

18+

ЭНТОНИ
САЙМСКИ

**ЗАПИСКИ
КАРАВАНЩИКА
ТОМ I**

Энтони Саймски

Записки караванщика. Том 1

«Издательские решения»

Саймски Э.

Записки караванщика. Том 1 / Э. Саймски — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-674241-3

После Катастрофы караваны стали кровеносной системой выживания. Анатолий Воронов, став охранником торгового маршрута, отправляется в Западно-Казахстанскую область. В пути его ждут испытания: любовь, предательство и искупление в мире, где мулы-мутанты — надёжнее людей.

ISBN 978-5-00-674241-3

© Саймски Э.
© Издательские решения

Содержание

Записка первая	6
Тихий старый дом	7
Глава 1	8
Одинокий путник	8
Глава 2	17
Великая Катастрофа	17
Глава 3	23
Картина	23
Глава 4	46
Скелеты	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Записки караванщика. Том 1

Энтони Саймски

© Энтони Саймски, 2025

ISBN 978-5-0067-4241-3 (т. 1)

ISBN 978-5-0067-4242-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Записка первая

Тихий старый дом

Глава 1

Одинокий путник

Тёплую, тягучую тишину вечернего воздуха нарушал лишь размеренный скрип стальных деталей большой телеги и усталое сопение упряжки мулов. Широкие самодельные гусеницы из плотной резины вновь и вновь пробегали по замкнутому кругу, оставляя отпечаток протектора в толстом слое горячей пыли.

Мы были в пути почти неделю, и большая часть маршрута осталась позади. Несмотря на то, что караван двигался по одному из наиболее безопасных маршрутов, наш стрелок Илья Столяров неизменно находился у старого «ДШК», затянутого брезентовым пыльником. Сейчас на его вечно суровом лице застыло выражение безмятежной отрешённости. Положив голову на могучие руки, сложенные поверх оружия, он так же наблюдал за солнечным диском, опускающимся к линии горизонта.

По обеим сторонам дороги бежали полосы выгоревшего кустарника. Видимо, ещё до Великой Катастрофы здесь проходила полноценная асфальтовая дорога, от которой сейчас не осталось и следа. А эти переродившиеся, причудливо изогнутые колючки тогда были самыми настоящими лесопосадками, которые ещё немного сохранились у нас на Урале, но здесь практически не встречались.

Я поднял голову и посмотрел на небо, которое было перечеркнуто ржавыми балками каркаса телеги. Конструкция была весьма грубой, но зато надёжной. На этом месте я провёл уже не первый день, наблюдая за бескрайним бледно-голубым небосводом. В такие минуты и часы я буквально чувствовал, как мысли замедляют свой суматошный бег, приходя в абсолютную гармонию с окружающей пустотой и тишиной вечерней степи.

Стоило подключить немного фантазии, и можно было запросто представить себя несчастной жертвой, оказавшейся в брюхе неведомого монстра с прозрачной кожей и ржавыми рёбрами, которые поблескивали металлом лишь в том месте, где об них тёрлись грубые верёвки, растягивающие тент.

Я находился в кузове головной упряжки. Косые лучи солнца пробивались сквозь щели между неотесанными досками, тут же вспыхивая жёлтыми бликами на стальных деталях старого генератора, стоящего рядом со мной. Тут же были закреплены сложенные солнечные батареи, ящики с инструментами и десяток аккумуляторов. Ближе к возвышающейся в центре турели Столярова находились большие пластиковые бутылки с питьевой водой, бережно проложенные грубым войлоком и стянутые кожаными ремнями. Прямо за моей спиной располагались тюки с разобранными юртами, посудой и полевой кухней.

Я немного приподнялся и, перегнувшись через край борта, посмотрел вниз. Последняя ступенька деревянной, криво сколоченной лестницы буквально парила над пыльной поверхностью дороги.

Просвет между верхним ярусом, на котором я сейчас находился, и нижним был затянут тентом. Впрочем, тентом это можно было назвать с трудом. Скорее большим лоскутным одеялом, сшитым из обрывков брезента.

Повсюду стоял стрёкот тысяч насекомых, прячущихся в мелкой выгоревшей траве. Вечерний воздух был настолько нагрет солнцем, что, казалось, превратился в странную неведомую жидкость. И теперь эта жидкость с каждым вдохом заполняла лёгкие, а с выдохом обжигала грудь.

Я никогда не бывал в этих краях. Обычно я ходил в караванах Виктора Москвина, замечательного купца, который превосходно сочетал в себе деловую хватку и хорошее чувство юмора.

Но в этот раз случилась беда, и Виктор поймал пулю во время дерзкого нападения бандитов прямо на подъезде к Оренбургской заставе. Всё обошлось относительно благополучно, и он остался жив. Впрочем, ранение оказалось достаточно серьезным, так что ему пришлось остаться в тамошней здравнице на пару месяцев.

В силу того, что мои обязательства по договору были выполнены, я решил не терять времени и нанялся в этот караван, рассчитывая вернуться в Оренбург как раз к выздоровлению Москвина. А там уже и заключить договор на обратный путь. Несмотря на то, что через заставу проходило множество торговых путей, поселение было небольшим. Домов сто, может сто пятьдесят.

Сам же Оренбург находился в десятках километрах западнее заставы. И несколько вечеров я, поднявшись на высокую стену периметра, наблюдал за тем, как ярко-красное степное солнце медленно исчезает за очертаниями разрушенных домов. Их обугленные чёрные контуры напоминали мне уродливые зубы, торчащие челюсти какого-то неведомого существа.

Местные зазывалы несколько раз усердно пытались завлечь меня в рейдовый отряд на зачистку руин и сбора полезных материалов, но я каждый раз отказывался. В каждом деле были свои хитрости и тонкости. Для зачистки руин от возможных бандитов или стай одичавшей живности надо было обладать одними навыками, оружием и экипировкой, а для охраны караванов – совершенно другими.

Я потянулся. От этого движения рифленые подошвы армейский ботинок упёрлись в рюкзак с моими вещами. Сменная одежда, бритвенные принадлежности, несколько ремней, набор инструментов для мелкого ремонта, нож из хорошей стали, кожаные чуни, пропитанные клейковиной, чтоб не пропускали воду. Три десятка патронов для дробовика, спички и прочие мелочи были компактно уложены в эту плотную синтетическую торбу, усиленную вставками из толстой кожи.

Это было то небольшое, что принадлежало лично мне, а не Анарбеку Уджаеву, купцу, ведущему этот караван. Я всегда старался выбирать нанимателя с учётом не только финансовой выгоды, но и возможности узнать что-то. Пройтись по неизведанным дорогам. Познакомиться с новыми людьми и попытаться понять, чем они живут. Что движет ими в этом странном мире, пережившим Великую Катастрофу. В конце концов, именно это загадочное желание и вынудило меня покинуть родной дом. Конечно, особой поддержки моё стремление не нашло. Разве что дед, по своему обыкновению, хитро прищутив один глаз, похлопал по плечу и пожелал удачи.

За всю неделю, что я провел на заставе, Анарбек был третьим купцом, который был вынужден искать замену для своих людей. По дороге одного из его охранников подкосило сильнейшее пищевое отравление, поэтому тот был вынужден оставить караван и отлёживаться в здравнице.

Насколько я понял, долгие переговоры Анарбеку были не свойственны. Он задал пару общих вопросов и поинтересовался, насколько хорошо я обращаюсь со своим дробовиком. Потом, сощутив и без того узкие глаза, довольно кивнул, предложив за работу трёхразовое питание и двадцать монет. Я тут же согласился. На заставе было откровенно скучно. К тому же я никогда не был в Казахстане, и какой-то неведомый голос внутри меня стал настойчиво нащёптывать, что именно там меня ждут важные жизненные свершения.

Может, когда мне стукнет пятьдесят, если я, конечно, доживу до этого момента, мне станет интересна обычная жизнь на одном месте. Мне ведь всё равно надо будет вернуться, чтобы ухаживать за своими стариками. Но сейчас такой вариант меня абсолютно не устраивал. Вокруг был огромный и удивительный мир, заполненный массой интересных мест и вещей.

Именно так я и оказался в караване, забирающимся всё дальше вглубь огромной территории, которая когда-то называлась Западным Казахстаном. Сейчас о былых границах некогда

могучего человечества напоминали лишь почерневшие здания таможенных постов и ржавеющие остовы автомобилей на подъезде к ним.

Один из мулов нашей упряжки недовольно зафырчал и задрал огромную голову со спилёнными рогами. Тут же последовал окрик погонщика из кабины старого грузовика, закрепленной в голове телеги.

Поговаривали, что до Великой Катастрофы эти животные были значительно меньше и вообще выглядели по-другому. Никаких рогов, не такие массивные копыта и длинные уши. Но это было тогда. Я эти времена не застал. Сейчас же мулы являлись одними из самых распространённых выючных и тяговых животных, безропотно шагающими по множеству караванных путей.

Эта могучая, переродившаяся после Катастрофы скотина прекрасно выучила распорядок своего трудового дня. И, словно чуя скорую остановку на ночлег, всё чаще и чаще поднимала голову, издавая усталый хрип.

Меня всегда поражала выносливость мулов. Они могли тянуть нашу двадцати четырех метровую двухъярусную телегу на протяжении десятка часов, не сбавляя и не увеличивая скорости. Мощные задние копыта, толщиной с человеческий торс, размеренно шагали по пыльной дороге, оставляя отпечаток огромной подковы. Их длинные лысые хвосты с плотной лепёшкой свалывшегося меха на конце, служили отличной защитой от надоедливых насекомых. А вот передние ноги мула были почти в половину короче, и животное опиралось на них только когда кормилось во время стоянки.

Иногда я задумывался над тем, как же сильно всё изменилось. Дед мне рассказывал, что раньше многое было не так, но я с трудом это себе представлял. Например, взять тех же мулов. Для меня они всегда выглядели именно такими, и я не видел в этом ничего удивительного. Разве что их сила и выносливость действительно была уникальной.

Родители показывали мне старые книжки с картинками, сохранившиеся ещё со времен Большого Мира, не тронутые Великой Катастрофой. Там были нарисованы коровы, африканские буйволы, бизоны. Странные животные, стоящие на четырех конечностях вместо двух. И вот это мне казалось уже более непривычным и действительно фантастическим. А вот упряжка мулов, тянущая нашу повозку через пыльную степь, вполне себе привычной.

Я и раньше видел мулов, но тут они были какими-то особенно огромными. И, как мне казалось, особо неспешными. Словно вся эта однообразная картина плоской, иссушенной солнцем степи вкупе с тягучим воздухом действительно замедляли в них все процессы, от чего они вообще никуда не спешили.

Я вновь потянулся и поправил дробовик. Отличное оружие с затёртым до блеска деревянным цевьём и старой маркировкой «ИЖ МР 133». Это ружьё было дедовым наследием, как и старый поясной патронташ оливкового цвета. Отец говорил, что пару раз дробовик спасал им жизнь, когда он был ещё совсем пацаном. Время тогда было более дурным и беспокойным.

Я всегда чувствовал себя увереннее, ощущая приятный вес оружия в своих руках. Дед научил меня, как надо ухаживать за ружьём, и тот факт, что он сам мне его вручил, многое для меня значил.

Для прицельной стрельбы на дальние дистанции он, конечно, не годился. Но для этого в караванах всегда было несколько пулеметов и занималась пара отличных стрелков с нарезными карабинами и винтовками. Хороший автоматчик с «Калашниковым» почти любой модели тоже был весьма востребован.

Моя же работа заключалась совершенно в другом. Осмотреть тесную улочку или дом. Сопроводить кого-нибудь через заросли кустарника. Шугнуть дикого зверя, проявляющего не здоровый интерес к нашим повозкам.

Картечные патроны двенадцатого калибра были распространены почти повсеместно. В любом более-менее значимом населённом пункте их можно было найти в достаточном коли-

честве. Как следствие, такой боеприпас был намного дешевле, чем патроны для нарезных стволов, которые сейчас практически нигде не делали.

По условиям договора я всегда должен был быть при оружии, даже если в нём нет явной необходимости. Впрочем, дробовик и так стал неотъемлемой частью меня самого. Ничего не поделаешь, таким стал мир после Великой Катастрофы. Людей осталось мало. Они вроде как стали добрее друг к другу. Учтивее, внимательнее... Только при этом всегда предпочитали держать палец поближе к спусковому крючку. Так, на всякий случай.

Местность вокруг телеги отлично просматривалась, так что вряд ли кто-нибудь смог бы подойти незамеченным. Единственное время, когда действительно стоило усилить бдительность – ночное дежурство на импровизированном периметре. Повозки составлялись в круг прямо посреди степи, защищая уставших за день животных и людей от возможной пыльной бури или другой природной опасности. Главное в такой момент – не проморгать какого-нибудь ночного хищника, привлеченного запахом еды, светом фонарей и человеческими голосами.

Больше всего в этих местах опасались перерожденного корсака – степной лисы. Уж слишком страшные вещи про него рассказывали местные старожилы. Что ж, в каждом крае был свой легендарный зверь. Лично я больше привык опасаться медведей. Впрочем, отец учил меня, что надо стараться относиться без страха, но с уважением к любому существу, которое встречаешь на своем пути.

В целом работа действительно была не пыльной и стоила своих монет. Но был и небольшой минус. Это окружающие умиротворение и хороший обзор слишком расслабляли, а в нашем деле это было чревато серьезными проблемами. Именно поэтому я невольно схватился за оружие и быстро перегнулся через край дощатого борта, когда раздался окрик Столярова:

– Человек! Впереди человек!

Услышав громкие звуки, мулы недовольно зафырчали. Я прищурил глаза и поднёс ладонь ко лбу, закрываясь от тёплых лучей вечернего солнца. Стоило отдать должное нашему пулемётчику, он был очень зорким. Я долгое время вглядывался в пыльное полотно дороги, прежде чем смог визуально отделить тёмный силуэт неизвестного человека от очертаний изогнутого кустарника.

– Сколько их там? – высунулся из ржавой кабины грузовика погонщик, поправляя перекинутый через плечо патронташ.

– Один, – буркнул Илья, и его лицо вновь обрело сосредоточено-хмурое выражение.

Я нагнулся к рюкзаку и достал из него ременной патронташ с двумя десятками патронов двенадцатого калибра. Столяров спокойно развернул ствол ДШК по направлению движения, но пыльник снимать не стал.

– Что за человек хоть? – спросил я, набрасывая патронташ на плечо и поднимаясь со своего места.

– Не знаю, – ответил здоровяк. – Не видно пока. Но это точно человек.

– Один?

– Угу.

Я встряхнулся. Лучи вечернего солнца действовали слишком уж успокаивающе, что способствовало явному снижению бдительности. И хоть я и не думал, что впереди нас ждут какие-либо неприятности, род моей деятельности обязывал быть готовым ко всему.

Время тянулось неимоверно медленно, словно взятое под контроль неспешным степным вечером. Тёмная точка человека медленно приближалась, увеличиваясь в размерах. Со временем стало отчетливо видно, что это одинокий путник. Похоже, он тоже давно заметил караван и остановился, дожидаясь его приближения.

Одет он был весьма странно для здешних мест. На нём была широкополая шляпа и длинный, почти до земли выгоревший плащ. Рядом с путником стоял потрёпанный рюкзак, а в руках была крепкая палка, которую он явно использовал как трость.

Мулы замедлили свой шаг, и телега стала понемногу останавливаться. Я посмотрел назад. Весь караван, состоящий из десятка повозок разного размера, тоже начинал останавливаться. Судя по открывающейся дверце кабины транспорта Уджаева, он лично решил посмотреть на путника.

Я поправил патронташ и проворно спустился на землю, как только оси колес перестали поскрипывать. Именно за это я и любил свою работу. Потому что всегда можно было встретить интересных людей и повидать много чего любопытного.

Уджаев был своеобразным купцом. И хоть в целом он делал всё то же самое, что и любой другой, в его исполнении это выглядело как-то по-особенному. Так, например, Москвин никогда бы не остановил караван, встретив одинокого путника. Скорее прикрикнул бы с высоты повозки, чтоб тот посторонился и не делал резких движений. Анарбек же, наоборот, всегда был готов совершить остановку и перекинуться с кем-нибудь парой слов. Будь то встречная повозка или небольшая группа путешественников. Я списал это на то, что места здесь достаточно пустынные и подобные встречи – большая редкость. К тому же меня самого разбирало любопытство. Ведь далеко не каждый день можно было увидеть человека, который смог так далеко забраться в степь на своих двоих.

По привычке я положил палец на скобу дробовика и опустил предохранитель. Патрона в патроннике не было, но в случае, если что-то пойдёт не так, мне надо будет выполнить на одно мелкое действие меньше. Вообще, МР-133 был хорош как раз тем, что можно было стрелять навскидку, практически не целясь. Особенно если речь шла о короткой дистанции и картечном патроне. Главное – успеть направить ствол в очертания противника. Впрочем, что-то мне подсказывало, что стрелять не придется.

В десятке метров от головной телеги стоял старик. Причём это не был дряблый и немощный пожилой человек, с трудом стоящий на ногах. Скорее наоборот, очень крепкий и высокий мужчина.

Густые седые волосы выглядывали из-под его широкополой шляпы и ниспадали на засаленный воротник плаща. Сам же плащ был расстегнут. Под ним торчала поношенная лёгкая рубашка, заправленная в армейские брюки камуфляжной окраски. На широком ремне висел нож и пара нейлоновых подсумков. На ногах старика были удобные сандалии из грубой кожи с закрытой пяткой и носком.

Если честно, я всегда подозрительно относился к людям в длинных плащах. Особенно, если встречал их на пути каравана. Ведь под подобной одеждой можно было спрятать всё, что угодно. При должной сноровке, даже гранатомёт. И вообще, во всём этом облачении неизвестный путник больше походил на заправского ковбоя из фильмов про дикий запад. Для полного сходства ему не хватало разве что пары револьверов и лихого скакуна.

Не убирая пальца со скобы дробовика, я приветливо поднял левую руку. Старик спокойно кивнул. Его узкие прищуренные глаза внимательно меня изучили. Я двинулся к нему, обходя по небольшой дуге, чтобы осмотреть участок земли за его спиной. Ко мне тут же присоединился ещё один охранник-казах с потёртым АКСУ в руках, обходя путника с другой стороны.

Всякое бывало. Не исключено, что, несмотря на отлично просматривающуюся местность, где-нибудь рядом лежит целый отряд бандитов, прикрытых брезентом и присыпанных землей и обрывками травы.

– Ас-саляму алейкум, почтенный, – с очень своеобразным акцентом произнес подходящий к нам Уджаев.

Вообще здесь очень свободно говорили на двух языках – русском и казахском. Как мне объяснили местные, так было и до Великой Катастрофы. Но вот если забраться намного южнее, в те края, где лесостепь сменяют самые настоящие горы и пустыни, то услышать родную речь будет практически невозможно.

– Добрый вечер, – кивнул старик.

Я бросил быстрый взгляд на купца. Приветливая улыбка украшала его широкое азиатское лицо. Но, несмотря на это, он не спешил приближаться к незнакомцу, засунув большие пальцы под ремень брюк и поправляя его под складками нависающего живота.

За его спиной из открытых дверей ржавой кабины выглядывали наш погонщик и ещё один охранник с проверенным временем АК-74 в руках. Почти от каждой повозки также отделилось по человеку с оружием, которые медленно двинулись к зарослям переродившегося кустарника. На крыше средней телеги блеснул зайчик оптического прицела.

Следом за Анарбеком следовал наш логист Азамат Бикашев. Это был высокий, немного худощавый мужчина средних лет. Мне почему-то казалось, что он всегда был чем-то недоволен. Одет он был в светлую рубашу, расшитую золотым национальным узором. На бедре пристёгнутая кобура с пистолетом, а подмышкой зажата грубая коричневая папка, туго набитая бумагами. Дополняли его облик армейские брюки пустынной расцветки и такие же берцы песочного окраса.

На голове красовалась небольшая тибетейка с таким же узором, как на рубашке. Выглядела она весьма потасканной. Засаленный кантик буквально сверкал в лучах вечернего солнца. Причём носил он её сильно сдвинутой на затылок, и у меня иногда складывалось впечатление, что она буквально прибита к нему небольшим гвоздиком. Потому что другого объяснения тому, почему тибетейка не сваливается, я не находил.

Тем временем Уджаев остановился в паре метров от старика и, смотря куда-то вдаль мимо его плеча, сказал:

– Не сочти за неуважение, но есть ли при тебе оружие или что-то, что может нам угрожать?

– Нет, – хмыкнул старик.

– Тогда, чтобы мне быть спокойным, мы осмотрим твои вещи. Знаешь же, что так надо? Старик молча кивнул и развел руки в сторону, не сходя со своего места.

Анарбек сделал еле заметный жест головой второму охраннику, и тот стал быстро обыскивать путника. Парень пробежался по рукавам и штанинам, поднимая облачка пыли своими быстрыми и резкими похлопываниями. Потом откинул обе половинки плаща старика и, не обнаружив ничего подозрительного, заглянул в рюкзак.

Всё это время путник, вернув руки в их исходное положение, спокойно наблюдал за всем происходящим.

– Ничего необычного, только нож, – отрапортовал охранник, закончив досмотр.

– Долго идёшь уже?

– Очень долго, – улыбнулся старик, удобней опираясь на свою трость.

– Далеко так забрался, зачем?

– Иду повидаться со старым другом.

Улыбка старика стала совсем еле заметной, словно спряталась в уголках его тонких заветренных губ.

– Друг ждёт, что придёшь?

– Я очень на это надеюсь.

– Долго тебе ещё идти? До ближайшего поселения дней пять пути, – хмыкнул купец с такой интонацией, что было непонятно, вопрос это или утверждение.

– Мне туда не надо, мне дальше, в степи.

– Дальше в степях нет ничего, только руины, – недовольно заметил Азамат.

Судя по выражению лица логиста, старик ему явно не нравился. А вот мне наоборот стало любопытно узнать о нём как можно больше.

Со своего места я отчётливо видел глаза этого седого незнакомца. Несмотря на спутанные брови и глубокие морщины, испещряющие всё лицо, в глазах так и не угас тот самый блеск сильного человека. Я редко встречал такой взгляд. И если это было действительно так, то я был уверен, что старик мог рассказать массу интересных историй.

Поэтому сейчас, в глубине души я очень надеялся на то, что Уджаев проявит своё любопытство и возьмёт этого одинокого путника с собой.

Мне очень хотелось как-то намекнуть на это хозяину каравана, но вмешиваться в разговор я не мог. Моего мнения тут никто не спрашивал, если только оно не касалось прямых вопросов безопасности. Да и вообще, вмешиваться в разговор старших здесь было не принято.

– Вода. Наверное, вода нужна. Пить хочешь? – спросил Уджаев, перестав поправлять ремень.

– Да, что верно, то верно. Мои фляги почти пусты, – кивнул старик.

– Азамат, воды налей ему. И еды дай тоже, – распорядился купец.

– У нас всё точно посчитано, – недовольно буркнул логист. – Лишней воды нет.

– Я знаю, что есть, а что нет, – повернулся к нему Уджаев и махнул рукой, призывая быстрее выполнять данное распоряжение. – От пары фляг не обеднеем же, что ты мне говоришь.

– Ну, может, и не обеднеем, – продолжил настаивать на своем Азамат. – Но если будем каждого встречного поить, самим не хватит.

– Слушай, делай, что говорю, – улыбнулся Уджаев. – Ты молодой ещё. Видишь, человек почтенного возраста. Сам так далеко зашёл. Видно же, что дело серьезное у него. Уважай других. Наши предки вот утратили уважение друг к другу, и всё обернулось Великой Катастрофой. Вся земля погибла. Правильно же говорю?

С этими словами караванщик посмотрел на старика.

– Абсолютно верно, – согласно кивнул тот.

– Вот и хорошо же. Давай фляги, – хмыкнул Анарбек.

Азамат, явно подавив сильное раздражение, сделал шаг к старику. Насколько я заметил за всё время нашего пути, логисту очень не нравилось, когда его называли молодым. А особенно, когда публично выделяли какие-то ошибки или грубость в общении. Но что поделать, в силу своего постоянного необъяснимого раздражения, он и правда часто говорил и делал лишнее.

Зато логистом Азамат Бикашев был просто великолепным. Всё содержимое каравана было посчитано и перепроверено на несколько раз. Расход ресурсов строго нормировался. Даже животные получали отдых с таким расчётом, чтобы не допустить переутомления. Логист лично следил за этим, хотя вполне мог довериться опыту погонщиков.

– Давай. Фляги давай, – сухо сказал он, сделав несколько шагов к старику.

– Спасибо тебе большое, славный купец. Здоровья тебе и мир твоему дому, – ответил путник и резвым движением руки откинул полу плаща.

Я невольно напрягся. На какую-то тысячную долю секунды мне показалось, что сейчас закатное солнце вспыхнет на затёртой детали пистолета и жди беды. Уж слишком хорошее и явно натренированное движение получилось у загадочного старика. Словно он и правда был ковбоем.

Заметив мою реакцию, путник тут же замедлил руку и продолжил отодвигать плащ намного медленнее. Взгляд упёрся в старую зелёную пластиковую флягу, висящую на пояском ремне. Старик достал ёмкость и протянул Азамату, который буквально вырвал её из рук, недовольно фыркнув.

– Великую Катастрофу застал? Видел же? – спросил Уджаев.

– Да, – кивнул старик, склоняясь над рюкзаком и доставая из него пустой бурдюк из шкурки какого-то местного степного зверька. – Но я был совсем маленьким, практически ничего не помню.

– Плохо, – протянул купец.

– Чего плохого-то? – недовольно спросил Бикашев, столь же резко забирая бурдюк и возвращаясь к своей повозке.

– А то, что скоро не останется людей, которые бы её помнили. Да уже и не осталось почти. Опять забудем всё, чему научились. Опять молодежь те же ошибки сделает. Опять Земля отмстит...

– Да не будет этого, – фыркнул логист, удаляясь.

– Наши предки тоже так думали, – хмыкнул Анарбек, устремив задумчивый взгляд на садящееся солнце.

– Это неизбежно, – протянул старик, поправляя клапан рюкзака и выпрямляясь. – Мы всегда совершали и будем совершать одни и те же ошибки. И никогда их не поймем со слов других, пока не прочувствуем сами... Это наша человеческая судьба.

Караванщик перевел на него задумчивый взгляд, после чего его пухлые губы тронула улыбка.

– Меня зовут Анарбек Уджаев, – сказал он, подходя ближе к путнику и протягивая руку.

– Игорь Коновальцев, – ответил старик, пожимая её.

– Есть просьба у тебя? – спросил Уджаев.

Я невольно переступил с ноги на ногу. Давно я не слышал предложения просьбы. Ещё лет десять назад, когда я только начал заниматься этим делом, караванщики охотно задавали этот вопрос людям, нуждающимся в помощи. Но в последнее время подобное происходило всё реже. Во всяком случае, лично я давно с этим не сталкивался.

Губы старика тронула еле заметная улыбка.

– Я так понял, вы идёте на запад?

– На запад, – протянул Уджаев, выжидающе посмотрев на Игоря.

– Мне как раз в те края, возьмите попутчиком. На день, может два. Проблем не будет, гарантирую.

Анарбек сощурил свои глаза.

– Там на сотни квадратных километров лишь мёртвые поселки же. И старое русло Урала, зачем тебе туда?

– Я же говорю, повидать друга...

– Хороший друг, значит, раз ты готов так рисковать.

Старик Игорь поправил шляпу и кивнул.

– С одним ножом идёшь? – недоверчиво спросил Уджаев.

– Если не дать страху поселиться в своем сердце, то и ножа достаточно, – ответил Коновальцев.

– Хорошо сказал, – кивнул купец. – Будь гостем моего каравана. Пойдём, пойдём.

Анарбек сделал приглашающий жест, указывая на свою повозку.

– Мир не без добрых людей, – улыбнулся путник и, подняв с земли рюкзак, последовал за ним.

– Вот, держи, – буркнул уже вернувшийся Азамат, протягивая старику флягу и бурдюк, на которых поблескивали капельки воды.

– Держать? Зачем держать? – улыбнулся купец. – Он с нами поедет. Давай, неси назад.

Логист недоуменно замер на месте. Я так и не мог понять, почему его постоянно всё раздражает. Даже сейчас было видно, как сильно он стиснул зубы, сдерживая внутреннюю злость.

Но лично я был рад такому решению Уджаева. Старик Коновальцев был явно не так прост, как казался. И что-то мне подсказывало, что от него можно узнать много чего интересного...

Глава 2

Великая Катастрофа

Солнце уже давно скрылось за горизонтом, и лагерь готовился ко сну. Дневная жара уступила место приятной ночной свежести. Редкие порывы ночного ветерка иногда касались моего лица, принося с собой множество пряных запахов степных трав.

Повозки были составлены в круг. Между ними на уровне крыш был протянут толстый электрический кабель. Горел десяток дежурных фонарей, запитанных от аккумуляторов. Это считалось среди караванщиков большой роскошью, и далеко не каждый купец мог позволить себе такое освещение. Несколько человек уже заступили в караул, изредка о чём-то перекрикиваясь с верхнего яруса телег.

В центре лагеря, прямо напротив юрты Уджаева, горел большой костёр, на котором совсем недавно был приготовлен бешбармак. Ещё несколько костров поменьше тихо потрескивали по всему лагерю.

Караванщики разбились на небольшие группы. Кто-то в полголоса обсуждал события дня, а кто-то давно спал, завернувшись в кошму. В импровизированном загоне, созданном из заранее заготовленных секций, тихо сопели мулы. Особо голодные из них до сих пор жевали сено, подающееся из кормовой телеги через специальные прорези в борту.

А над головой было огромное, кажущееся бескрайним звёздное небо. Я любовался им каждую ночь, думая о своём. Может мне так повезло, а может это было особенностью этих мест, но ни какое облачко или тучка никогда не заслоняли небосвод. Создавалось такое ощущение, словно кто-то неведомый растянул огромный кусок этой искрящейся материи от одного края горизонта до другого.

Странно, но на Урале мне редко когда доводилось созерцать такое количество звёзд. Поэтому иногда я подолгу лежал на спине и не сводил с них глаз. Бывало так, что когда из поля зрения исчезали силуэты людей и очертания крыш повозок, мне казалось, что достаточно вытянуть руку и можно будет коснуться этого искрящегося бархата.

Воздух был заполнен стрёкотом ночных насекомых и приглушенными голосами караванщиков. Я поправил дробовик, лежащий на коленях, и поставил свою плошку на сухую траву рядом с кошмой.

Очередной порыв степного ветерка прошёлся по земле, заставив задрожать пламя нашего костра. Электрические лампы, конечно, были очень удобными, но не могли заменить караванщикам тягу к приятному теплу живого пламени. Я дотянулся до стопки наломанных веток и подкинул в огонь пару штук.

– Тебе на смену когда? – спросил Столяров, допивая через край бульон из своей тарелки.

– Через три часа, – ответил я, отправляя в рот кусочек вяленой говядины из своих личных запасов.

Несмотря на то, что Уджаев предоставлял трёхразовое питание, я всё равно предпочитал иметь небольшой запас. Во-первых, всегда можно было перекусить в течение дня, а во-вторых, бешбармак был очень жирным. Резкая смена рациона питания всегда могла иметь свои неприятные последствия, так что я старался привыкать к местной кухне постепенно, спасаясь вяленой говядиной.

Баранину из своей порции я съел уже давно. При этом пришлось изрядно заедать её ржаным хлебом. А вот тесто и жирный бульон, называющийся здесь шурпой, осилил только до половины. Конечно, мне давно следовало лечь спать, но у меня никак не выходил из головы это загадочный старик Игорь Коновальцев.

Весь остаток пути до вечерней остановки он так и провёл в телеге Уджаева. Пока мы занимались подготовкой к ночлегу, я его так же не видел. А когда солнце уже скрылось за линией горизонта, Коновальцева пригласили за достархан, как почётного гостя.

«Ух, логист наверное в бешенстве», – мысленно хихикнул я, когда наполнял флягу на завтрашний день.

Спустя пару часов старик покинул юрту Уджаева, видимо, решив осмотреть лагерь. Его высокую фигуру в широкополой шляпе легко было узнать даже с противоположной стороны. Побродив немного между повозок, Коновальцев оказался у нашего костра.

– Может, посидите с нами? – тут же предложил я, решив не упускать такой возможности. – У нас чай. Вяленая говядина. Меня Анатолий Воронов зовут. Это Илья Столяров. Присоединяйтесь.

Старик задумчиво посмотрел на потрескивающие ветки и быстро уселся на свободный кусок толстой кошмы. Большая палка, которую он использовал как трость или, вернее сказать, посох, опустилась рядом. Подперев спину рюкзаком, он поправил шляпу и продолжил смотреть на языки пламени.

– Очень приятно, молодые люди. Я Игорь Коновальцев. Будем знакомы.

Пулемётчик молча кивнул.

– Будете? – поинтересовался я, протягивая кусочек вяленого мяса.

– Благодарю, – улыбнулся он, – но Анарбек меня и так перекормил. Ешь сам, ты молодой, тебе силы нужнее.

– У меня с этим делом полный порядок, – хмыкнул я.

– Вот и отлично.

– А почему ты в юрте Уджаева не остался? – спокойно спросил Столяров.

Обращаться к путнику на «вы» он, видимо, не считал необходимым. Мне это казалось немного странным, но кто я был такой, чтобы указывать здоровяку на его манеры. К тому же, сам Коновальцев никак на подобное обращение не прореагировал.

– Решил степным воздухом подышать, – прищурившись, протянул старик. – Да и душно там. Я больше к свежести привык.

– Зря, там спать намного удобнее. Одеяла, подушки... – протянул пулемётчик с нотками лёгкой заветности в голосе.

– Так я и не говорил, что вовсе там спать не собираюсь, – хихикнул старик. – Позже вернусь.

Илья кивнул.

А я был уверен, что старику просто надоело наблюдать вечно раздраженное лицо логиста. Понимая, что теперь всё равно не усну, я сразу перешёл к делу.

– Выходит, Вы Великую Катастрофу застали?

– Да.

Его голос звучал не таким усталым и хриплым, как тогда, на дороге. Видимо, утолив жажду и чувство голода, путник буквально физически окреп. Пока ещё старик бродил по лагерю, я отметил, что определить его возраст по походке или манере держать себя теперь было немного сложнее. Издалека, особенно когда невозможно было различить седые волосы, он вполне производил впечатление крепкого мужчины средних лет. Разве что годы всё равно брали своё, когда он садился или вставал, опираясь на палку.

– Расскажите, как это было?

Старик Игорь хмыкнул и посмотрел на меня.

– Тебе твои родители или бабушки с дедушками не рассказывали?

– Нет. Мать с отцом уже после родились. Бабушка видела, но умерла, пока я был в неразумном возрасте. Дед сам удар Катастрофы не застал, говорит, на работе был, в цеху без окон, –

ответил я, откусывая кусочек говядины. – Так-то я немного знаю, конечно, с чужих слов. Картины художников видел. Но всё равно интересно от очевидца услышать.

– Картины... – как-то странно протянул старик, словно вспоминая что-то. – Картины – это хорошо. Но рассказ действительно интересней будет.

– Это смотря кто рассказывает, – заключил Столяров явно превысив свой обычный лимит вечерних фраз.

«Ага, – подумал я. – Так тебе тоже на самом деле интересно послушать...»

– Ну что же, можно и рассказать, – начал Игорь, удобнее устраиваясь на своей кошке. – Я был совсем ребёнком. Только пошёл в первый класс. Семь лет. Если честно, мало что с этого возраста помню, чтобы вот так, чётко, в деталях. А это... Стоит только глаза закрыть, и всё так же ясно вижу. Как вас сейчас. Будто что-то неведомое тогда буквально выжгло в мозгу эту картинку...

Коновальцев вытянул перед собой руку, словно пытался дотронуться длинными сухими пальцами до каких-то лишь ему видимых образов из своей памяти.

– Это было вечером. Большой город, много домов. Солнце отражалось в стёклах таким тёплым жёлтым светом. Мы с пацанами в войнушку играли. Бегали вокруг гаражей и спорили, кто кого «убил». Смешно нам это тогда было. И тут я около песочницы останавливаюсь и ничего понять не могу. Тени на земле исчезать начинают. Солнце гаснет так, словно его кто-то медленно убавляет. Мы с пацанами замерли и давай на небо смотреть, а оно словно какой-то серой рябью покрылось.

Жизнь словно замерла в одну минуту. Машины останавливаться начали, люди в окна высовываться. Все наверх смотрят и понять не могут, что это такое. Буквально за минуту стемнело, словно ночь настала. Даже фонари, которые были со светочувствительными датчиками, сработали и загорелись. Люди во дворе начали нервничать, версии всякие придумывать. Я тогда мало что в этом понимал, но кто-то сказал, что солнечное затмение началось.

А потом такой грохот раздался! И самая настоящая трещина по всему небу, как молния! Как сейчас её вижу. Ярко-оранжевая, будто весь мир кто-то разломить на две половинки пытался!

А грохот такой сильный был, что стёкла начали лопаться. Я за уши схватился и на землю упал. Все кругом кричат, бегут, запинаятся друг о друга, машины сталкиваются. А эта трещина мечется по всему небу от одной стороны горизонта до другой. То так изогнётся, то эдак, будто действительно молния гигантская. И вспышки такие яркие! Грохот чудовищный! Земля трясётся! А потом сверху начало опускаться что-то на подобии ударной волны. Словно пыль взрывом подняло только не на земле, а в небе. Тёмные такие облака... Не знаю, что это было. Может частицы какие-то космические. Но выглядели как самые настоящие облака. Вернее тучи. Густые, непроглядные. И вот опустились они прямо на город. Куда голову не поверни, везде в просвет крыш видно, как они стремительно приближаются.

Как мне было страшно тогда... Я закричал, заплакал... На ноги вскочил и домой побежал, к маме... Будто она помочь могла...

Старик Игорь тяжело вздохнул и почесал пальцами морщинистую щёку.

– Дети же жизни ещё не знают... – задумчиво продолжил он. – Вот мы только что играли в войнушку, доказывали, кто кого «убил»... Всё это было веселой игрой и неправдой. И вот уже я, забыв про друзей, про всё на свете, скорее бегу к маме... Потому что мама остановит любое зло, мама защитит...

Я только и успел, что в подъезд заскочить, как эти облака чёрные на землю опустились. Словно пыльная буря, только страшнее в тысячу раз. Такой рёв стоял на улице, что собственного крика неслышно было. Ветер со свистом в подъезд ворвался. Дверь железную с петель сорвало... И повсюду эти частицы чёрные... Первое время сквозь них ещё было видно

вспышки от небесной трещины, а потом опустилась крошечная тьма. Самая настоящая. В безлунную ночь так бывает. Когда руку перед собой вытянешь, а её и не видно...

Я запнулся о ступеньки и упал. Не вижу ничего, реву... Но вверх всё равно ползу. Повсюду гул этот, рёв, и страх. Такой страх, что кишки выворачивает. Я тогда его на всю жизнь натерпелся... Никогда больше ничего так сильно не боялся...

Коновальцев замолчал. Все его слова буквально оживали в моей фантазии. И хоть я никогда не видел городов в их величии до Великой Катастрофы, но под воздействием слов старика у меня начало складываться представление, как это всё могло быть. На какое-то мгновение мне даже самому показалось, что это вовсе и не семилетней Игорь бежит домой к маме, а это я сам спасаюсь от чего-то страшного и непостижимого.

– А что потом? – осторожно нарушил я воцарившуюся тишину.

– А потом... – Игорь хмыкнул. – Потом я сознание потерял. А когда очнулся, мир стал уже таким, как сейчас...

– А что с людьми стало? – спросил Столяров, подкидывая в огонь ещё пару веток.

– Погибли все. Кругом, куда не посмотри. Лежали, как чёрные манекены, жирной сажей натёртые. Поблёскивали. У меня дома никого живого не было. Я даже кота почерневшего в углу под столом нашёл. Он туда, видимо, со страха забился, так там и остался. Со всех наших девятиэтажек только пять человек выжило, включая меня. Неизвестно почему.

– Говорят, что так Земля от зла очистилась, – заметил я. – Что погибли только те, кто того заслуживал.

Коновальцев откинулся на рюкзак и добродушно засмеялся, обнажая ряд вполне ещё крепких зубов. Я тоже улыбнулся и выжидающе на него посмотрел.

– Глупости это всё, – отмахнулся он. – Вот скажи, чем мои друзья, мальчишки по пять-восемь лет, успели смерти заслужить? А родители мои? Так что, ерунда это всё. А говорят такое потому, что уцелевшим потом надо было хоть какой-то смысл в этом найти. Вот такой и нашли. Придумали, вернее. А те, кто смог бы в этом попробовать разобраться, учёные, к примеру, попросту этот день не пережили... Да и к тому же, если бы все плохие люди, действительно достойные смерти, тогда сгинули, разве бы мир не стал лучше? То-то я смотрю, ты со своим дробовиком не расстаёшься, а на телегах пулемёты стоят. Явный показатель того, что жить стало спокойнее...

И с этими словами Игорь хитро подмигнул мне.

– То есть, вы думаете, что всё это было зря?

– Знаешь, я так долго над этим думал, что порядком надоело. Чего думать о том, что ты не в силах понять? Да и потом жить дальше надо было, делами заниматься, на ноги вставать.

– А как же вы выжили, если совсем один остались? – спросил Столяров, задумчиво глядя на языки пламени.

– У отца был друг, казах. Насип Сарсеныч. Добрый дядька такой, охотник. Он как раз у родни в гостях был, когда всё случилось. У него тоже все погибли. Две дочки маленькие. Жена, родители-старика, все, в общем. Он, когда в себя пришёл, стал ходить по знакомым адресам, надеялся хоть кого-то живым застать. Так меня и подобрал. Я помню, как он обрадовался, когда меня увидел. Обнял, плакал, бормотал там что-то... Потом мы быстро пешком из города выбирались, на дорогах ведь не протолкнуться было. Всё в чёрных телах и машинах обугленных. За городом уже нашли одну пригодную и дальше на ней.

– А что, машин много уцелело?

– Это я плохо помню. Помню, что они все, которые на дороге были, чёрные стояли, и почти в каждой люди сидели. Мёртвые, разумеется. Но некоторые, да, работали каким-то чудом... А небо ещё месяц оранжевым цветом светилось.

– Почему в городе не остались? – спросил я после очередной долгой паузы.

– Хороший вопрос, – хмыкнул старик. – В городах ведь после всего этого только хуже стало. Вот ты говоришь, все, кто смерти заслужил, погибли. Да нет уж. Столько негодяев осталось, что дальше не куда. Вот представь, что было людей, скажем, вот столько...

И с этими словами Коновальцев максимально широко развел руки, а затем свел их вместе, оставив лишь небольшое круглое пространство между огрубевшими ладонями.

– А стало вот столько. Ни плохих, ни хороших. Ни умных, ни дураков... А всех. Вот как было человечество, так и осталось, только в меньшем объёме. Может в тысячу, может в сотню тысяч раз... Со всеми нашими человеческими пороками. Страхом, жадностью, алчностью, злостью, трусостью... Ну и с человеческими качествами, конечно. Щедростью, состраданием, храбростью, честностью.

В городах уцелевшие люди быстро в стайки сбились. Кто поумнее был, тот что-то полезное делать начал. Восстанавливать всё, жизнь налаживать. А кого природа умом обделила, быстро в скотство скатился. Грабежи да насилие. Человек ведь такая тварь, только волю дай, всё его звериное нутро наружу полезет. Ахнуть не успеешь, как хуже любого животного станет.

– Ну, это далеко не каждый, – скептически заметил я.

– Конечно, не каждый, – добродушно улыбнулся старик Игорь с такой интонацией, словно просил не относиться серьезно к его словам.

– Так, выходит, тебя друг отца дальше воспитывал? – заключил Столяров, почесав подбородок.

– Именно так, – кивнул Коновальцев, надвигая на глаза шляпу и откидываясь на рюкзак.

Судя по его виду, старик не собирался больше ничего рассказывать. Но мне было интересно узнать что-нибудь ещё из его жизни. Уж больно хорошо он говорил. Да и любопытство моё никак не хотело успокаиваться.

– Может, всё-таки расскажете, зачем вы забрались так далеко в степи? – спросил я. – Мне кажется, это неспроста.

– Да? С чего ты взял? – раздалось из-под полы шляпы.

– Ну, даже не знаю. Обычно старики около своих домов сидят и только на жизнь жалуются, – заметил я, пожав плечами. – И всё рассказывают про времена, когда что-то было лучше, чем сейчас. Их куда-то пойти никакими уговорами не заставишь. А от вас я пока не одной жалобы не услышал, хотя дорога явно далась нелегко. И что-то мне подсказывает, что и не услышу... Такое обычно бывает, когда у человека есть цель. Причём только ему одному известная. Которую постороннему и не понять. Но, тем не менее, для него очень важная...

Шляпа Коновальцева приподнялась, и язычки костра отразились в глазах старика.

– Ну что ж, – хмыкнул он, отрываясь от рюкзака и садясь ближе к костру. – Помнится, ты мне чай предлагал? Если найдётся пиалушка другая, да покрепче, пожалуй, я смогу рассказать одну историю. Думаю, вам, молодым, она как раз понравится.

– Если чай нужен, так я сейчас принесу, – кивнул Столяров, поднимаясь со своей кошмы. – Только без меня не начинайте, я тоже послушаю.

– Конечно, конечно... – улыбнулся старик, поправляя полы плаща и подпирая спину рюкзаком.

Илья встал и, прихватив с собой наши пиалы, двинулся в сторону большого костра, рядом с которым стояла полевая кухня.

Ночной ветер вновь коснулся меня слабым порывом. В ноздри тут же ударил пряный аромат трав, отходящих от дневной жары. Я доел кусочек вяленой говядины и составил в одну кучу все пустые плошки, чтобы вид грязной посуды не мешал спокойно воспринимать окружающую нас степную ночь и рассказ Коновальцева. В том, что история будет интересной, я почему-то даже не сомневался. Словно уловив мои мысли, старик Игорь хмыкнул и сказал:

– Подбрось дровишек, если тебя не затруднит. Это будет долгий рассказ. И кто знает, может даже почерпнешь из него что-нибудь полезное для себя.

Я выполнил просьбу старика и поудобней устроился рядом с огнём, поправив куртку и оружие. В скором времени появился Столяров, держа в руках закопченный трёхлитровый чайник, из носика которого валил густой пар.

– На кухне уже спят почти все, – пояснил здоровяк, возвращаясь на своё место и наливая в пиалы душистый чай. – Так что я полный забрал, чтоб по десять раз не ходить.

– Ну и правильно, – улыбнулся Коновальцев, принимая протянутую ему пиалу. – Ух, какой крепкий! Спасибо большое.

– Благодарю, – тоже кивнул я в ответ на протянутую мне посудину.

Старик Игорь сделал ещё один большой глоток. После чего причмокнул губами и, подняв шляпу повыше на морщинистый лоб, так, чтоб было видно его лицо, начал свой рассказ.

Глава 3

Картина

Солнце стояло в зените. Мой старый армейский УАЗик с проржавевшим кузовом и почти облезшей краской двигался по извилистой дороге. Впрочем, дорогой это можно было назвать с трудом. Скорее огромной промоиной, отвесные стены которой возвышались надо мной метра на три. Это был самый настоящий каньон, промытый потоками воды в глинистой почве. А я чувствовал себя ковбоем времён дикого запада. Только вот конь был стальным и к тому же голодным.

Ветер и вода за десяток лет расширили трещину в грунте до чудовищных размеров. Палящие лучи полуденного солнца отражались от толстого слоя выгоревшей пыли и слепили глаза. Если бы не узкие солнцезащитные очки, я давно бы перестал различать грязные, прокатанные полосы дороги.

Конечно, мне вовсе не хотелось забираться в этот узкий каньон, который был идеальным местом для засады, но другого пути попросту не было. С одной стороны от него было глубокое пересохшее русло реки Урал, а с другой – грубая каменистая «тёрка», так местные называли причудливый выход пластов горной породы, образовавшийся после Великой Катастрофы. Гряда острых, как бритва, каменных осколков перечёркивала степь на сотню километров. Выглядела она так, словно кто-то неведомый пытался собрать верхний слой грунта в гармошку, как кожу на голове.

Впрочем, был вариант двигаться по старому руслу, которое я хорошо рассмотрел в бинокль. Но меня смущали торчащие из песка посеребрившие от времени коряги и редкие куски ржавых железяк. К тому же берега были достаточно обрывистыми. Так что было неизвестно, смогу ли я потом найти необходимое место, чтобы выбраться на поверхность. Нет, рано или поздно оно, конечно, подвернётся, но понапрасну жечь бензин вовсе не хотелось. А этой дорогой явно пользовались, хоть и не часто, так что можно было смело продолжать движение.

Последний раз, когда я бывал в этих краях, мне было всего двенадцать лет. Тогда Насип был ещё жив. Я хорошо помнил, как мы ездили на ближайшую караванную развязку, что бы обменять все заготовленные за зиму шкуры на патроны и аккумуляторы. А так же узнать последние новости и отдать в ремонт нашу радиостанцию, благодаря которой мы держали связь с остальными мелкими хозяйствами.

С тех пор прошло уже восемнадцать лет. Многое изменилось. Насипа мы похоронили два года назад на кладбище рядом с посёлком. Людей собралось много, человек пятьдесят. Некоторые проделали путь в сотню километров, чтобы попрощаться с ним. Самые частые слова, которые я слышал в этот день, были слова благодарности за всё добро, которое он сделал окружающим.

Кому помог суровую зиму пережить, кому не дал умереть от голода. Кому дом выстроить. Некоторые фермеры благодарили его за почти десятилетнюю службу в отряде самообороны, за время которой разбойничьи набеги почти сошли на нет.

Хороший был человек. Многому меня научил. Но, несмотря на всё, он так и умер один. Это не значит, что бы меня рядом не было. Просто он так и не смог забыть свою жену и дочерей. Их фотографии долго висели у нас на стене, пока основательно не выцвели почти до красновато-серого изображения.

Иногда вечерами, особенно зимой, он подолгу сидел напротив них за столом, позволяя себе употребить полбутылки самогона. В такие моменты с ним было бесполезно пытаться разговаривать. Скупые слезинки наворачивались в уголках его стареющих глаз, а на любой вопрос

он просто отрицательно или утвердительно качал головой. В скором времени я понял, что лучше его не трогать и просто располагался рядом, слушая рацию или занимаясь чисткой оружия.

Мне было тяжело понять, что он чувствует. Чем старше я становился, тем больше мои воспоминания о родителях стирались из памяти. Конечно, я их не забыл, просто со временем боль и скорбь стали намного слабее. Осталось лишь воспоминание, что были такие люди. И что я их любил. Но их больше нет.

То же произошло и с картинками былого мира. Сейчас это была какая-то тусклая остаточная информация. Периодически эта информация подтверждалась тем, что мы смотрели старые фильмы. Ремонтировали машины или держали в руках множество вещей, вывезенных и руин городов. Но само по себе это уже давно ничего не значило.

Например, я точно помнил, что до удара катастрофы у нас дома стоял компьютер. Я играл на нём в разные игры, а отец с мамой постоянно сидели в социальных сетях и смеялись, просматривая забавные видеоролики. Сейчас компьютеров было сколько угодно на любом базаре. Кто хоть что-то в них понимал, с лёгкостью находили нужные для своих целей железяки. Но лично меня теперь куда больше волновали запчасти для насосов, горюче-смазочные материалы или водопроводные трубы, потому что с водой здесь было всё очень плохо.

Насип заботился обо мне так, словно я был его родным сыном. Я сильно к нему привязался, хотя искренне назвать «папой» так и не смог. Может, будь я моложе годика на три, так бы и случилось. Время шло, у меня появлялись свои интересы. Сарсеныч прекрасно понимал, что жить под одной крышей становится уже не совсем удобно, и перебрался в новый дом. Особых проблем с этим не было, так как опустевшего жилья в нашем посёлке было более чем достаточно. Правда, стоило привести его в порядок. Отскрести чёрную сажу Катастрофы, убрать двор, подлатать хозяйственные постройки и изгородь. Но с этим проблем не возникло. Я трудился не покладая рук, да и соседи тоже помогали.

У меня было такое ощущение, что Насип въехал в новый дом с чувством морального облегчения. Видимо, всё-таки тяжело ему было находиться в том месте, где всё напоминало о семье и прошлой жизни. А вот мне наш дом нравился. Как всегда говорил Насип: «Каким бы не был человек, если у него нет привязанности к родной земле, к месту, где он вырос... Где его душа чувствует себя по настоящему свободной и счастливой, без всякой на то причины – это очень ущербный человек. Ведь как дерево не может расти без корней, так же и человек не может создать ничего хорошего, если не знает, кто он и откуда. Не имеет почвы под ногами. Если ничего не греет его душу и если ему некуда возвращаться».

Несмотря на то, что мой настоящий дом остался за несколько сотен километров в почерневших руинах крупного мегаполиса, я действительно привязался к новому месту. С трудом припоминая свою старую квартиру, я каждый день помогал Сарсенычу с ремонтом его тогдашнего жилья. Мы укрепили фундамент, очистили от сажи стёкла. Перестелили полы. Одним жарким летом полностью перебрали крышу, сделав на ней прекрасный чердак, где можно было вялить мясо и хранить необходимые мелочи, которым не хватило места в сарае. Потом ещё за пару лет утеплили и укрепили стены кирпичом, превратив дом в самую настоящую крепость, способную противостоять любой непогоде.

Чем больше мы возились с домом, тем больше я к нему привыкал. Шесть комнат, просторная светлая кухня. Две дровяных печи. Всё становилось родным и знакомым. Мне очень нравилось это чувство, когда, вернувшись из дальнего путешествия, тыходишь в свой дом. Вдыхаешь родной знакомый запах, находишь вещи лежащими на своих местах. Или жарким летом, после долгой возни с насосами, укрываешься в самой дальней комнате и чувствуешь приятную прохладу, исходящую от стен. Лежишь на диване и смотришь, как тени от веток растущего за окном дерева медленно раскачивают на зеленоватой побелке.

А зимой, наоборот, именно в этой комнате топится вторая печь. Потрескивают поленья. Если выключить свет, то можно подолгу наблюдать за тем, какие причудливые красно-оранжевые узоры пляшут по потолку от приоткрытой дверцы.

Когда Насип переехал, мы всем посёлком помогали с реставрацией нового дома. Правда, людей становилось всё меньше и меньше с каждым годом. Посёлок и раньше не был большим – всего двадцать семей. К моменту, когда старик Сарсеныч умер, и вовсе осталось всего семь. Многие перебирались поближе к Оренбургским заставам, находя работу на разрастающихся караванных путях. К тому же извечная проблема с водой сгоняла многих фермеров с насиженного места, несмотря на все мои старания поддерживать в рабочем состоянии систему скважин и насосов, которую пробивал сам Насип со своей бригадой ещё задолго до Великой Катастрофы.

Если честно, я тоже любил путешествовать.

Мир стал пустынной. На многие сотни километров вокруг было практически невозможно встретить живого человека. Переродившиеся животные стали охотно обживать новые территории. Небольшие деревеньки, вернее их остатки, попросту исчезали с поверхности, с годами всё больше разрушаясь ветрами, водой и морозами. Заметались землёй, которую тоннами переносили пыльные бури и покрывались зарослями кустарников.

Тем интереснее и удивительнее было встретить новых людей. Забраться как можно дальше, что бы посмотреть, а как удалось наладить жизнь именно в этом месте. А потом в каком-нибудь другом. Подсмотреть что-то новенькое, перенять опыт. К тому же исчезли все условности и преграды между странами и нациями. Исчезли границы, можно было беспрепятственно объехать хоть весь мир, если знать, через какие заставы и поселения двигаться. Всё это было очень удивительно. Но, несмотря на всё чаще повторяющиеся и более увеличивающиеся по времени путешествия, я всегда любил возвращаться домой.

Какая-то незримая привязанность всегда тянула меня обратно. Хотя бы раз в полгода-год я должен был вернуться назад. Позже, по прошествии лет, я начал понимать, что значили для меня эти моменты. Куда бы я не забрался, какие бы удивительные приключения не пережил, без пути назад, как и говорил Сарсеныч, я был не совсем полноценный человек. Этот дом в небольшом чудом поддерживающим в себе жизнь поселении стал для меня некоей незримой опорой, которую я всегда должен был чувствовать под ногами, чтобы не забывать, кто я. Не забывать, что было в жизни. Не забывать, что значит добро и простое человеческое счастье – быть у себя дома...

Наконец-то дорога перестала петлять среди отвесных стен промытого в грунте каньона, и пыльной лентой устремилась на подъем очередного холма, минуя небольшую развилку.

Полуденное солнце было беспощадно, и в открытом салоне УАЗика это ощущалось особенно сильно. Не спасала даже моя широкополая ковбойская шляпа. Я уже несколько раз успел пожалеть о том, что не стал пережидать полуденный зной где-нибудь в тени. Но, как меня всегда учил Сарсеныч, любое решение существует в нескольких вариантах только на тот момент, когда ты его обдумываешь. Когда же ты начал действовать, то это есть единственный возможный вариант. Так что не надо впустую сожалеть о том, что могло бы быть или как следовало поступить. Как поступил, так и правильно.

К тому же я не мог припомнить ни одного подходящего места для остановки за несколько часов пути. Если только натянуть тент и подремать часок другой прямо в машине, откинув дверцы и позволив сухому ветру обдывать лицо. Но такой вариант меня тоже не очень устраивал.

При выезде из каньона стоял небольшой указатель. К толстому, растрескавшемуся на солнце столбу было прибито несколько толстых досок с вырезанными названиями ближайших населённых пунктов. Расстояния до большинства из них превышало сотню километров,

кроме одного. К тому же рядом с ним красовался столь необходимый мне сейчас значок заправочной станции.

Что ж, УАЗик хотел кушать, и мой выбор был очевиден. Я быстро нажал на газ, направляя машину в нужную сторону. Спустя примерно сорок минут пути через пыльную степь, я увидел на горизонте белёсые крыши домов искомого поселения. Располагалось оно у подножия небольшой горы, образованной выходом всё той же каменистой тёрки. Моё настроение значительно улучшилось. Тревожные мысли, решившие было попытаться пробраться в голову, тут же исчезли. А ведь я совсем недавно залил последнюю из имеющихся канистр с топливом. Впрочем, я всегда старался точно рассчитывать свой маршрут. Но в силу того, что меня давно не было в этих краях, всё запросто могло поменяться.

Подъезжая к поселению, я сбавил скорость, что бы как следует всё рассмотреть и лишний раз не раздражать местных жителей быстрой ездой. В моё время гонять через незнакомые посёлки на полной скорости считалось очень дурным поступком. И через знакомые тоже.

Полуденный зной давал о себе знать. На улицах никого не было, не считая пары шестилапых перерожденных собак, посчитавших своим долгом лаять и класать зубами вслед колёсам УАЗ-ика.

На небольшом холме, в полукилометре от последней вереницы ухоженных домиков, были видны ветряки. Через каждые пять-десять дворов виднелась пробитая скважина с водонапорной колонкой. Судя по пятнам жидкой грязи вокруг них, с водой дела здесь обстояли значительно лучше, чем у нас. Я невольно позавидовал этому факту и продолжил осматриваться.

Один край поселения выходил в степь, а другой почти упирался в торчащие из земли каменные валуны. Участок между ними и последними дворами был засажен аккуратными рядами картошки.

Я, оставляя за собой шлейф горячей мелкой пыли, двигался по главной улице. Одноэтажные домики с хозяйственными дворами сменились двухэтажными строениями. Причём верхние этажи были возведены явно уже после Великой Катастрофы. Об этом свидетельствовали мощные сваи, поддерживающие несущие перекрытия постройки между этажами. Где-то это были толстые брёвна, обработанные противокоррозионным раствором, а где-то бетонные сваи, явно вывезенные с так и не оконченных строек мёртвых городов.

Если честно, я практически не помнил это поселение. Либо мы с Насипом никогда через него не проезжали, либо оно очень сильно изменилось. Судя по вывескам над каждым двухэтажным домом, люди здесь жили достаточно комфортно. Во всяком случае, у них имелись прачечная, постоянный двор и даже развлекательное заведение. Пару раз мне попались указатели на автомастерскую и заправочную станцию, которая должна была оказаться как раз где-то по пути моего следования.

Бегущие за УАЗ-иком собаки вскоре отстали, видимо, проводив его до границ своих владений. Мне попались несколько пожилых людей, сидящих в тени небольших деревьев рядом со своими домами.

Судя по всему, поселение было интернациональным. Что ж, это было вполне логично. Близость караванного пути давала о себе знать. На оконных ставнях многих домов, выкрашенных голубой краской, красовался казахский орнамент, выполненный золотым цветом. Порывы горячего ветра приносили характерный запах навоза, а так же приглушенное мычание и бляньё домашней животины.

Широкая дорога в скором времени плавно перешла в пыльное раскатанное пятно, на краю которого стояло одинокое одноэтажное здание из силикатного кирпича. Судя по копоти, крепко въевшейся в раствор между ними, его очищали уже после удара Катастрофы. А вот стёкла, похоже, были родными. Я давно таких не встречал. Огромные квадратные оконные проёмы размером примерно два на два метра были заложены цветной разнобойной мозаикой синих и зелёных стеклянных блоков размером чуть больше ладони.

Всё пространство перед постройкой было покрыто следами шин и копыт животных. От последних осталось огромное количество лепёшек и небольших зеленоватых куч, высыхающих под палящими лучами солнца.

Закончив беглый осмотр, я уже хотел прибавить газу и проехать мимо, так как последний указатель заправки явно направлял меня намного дальше. Но большая вывеска над дверью здания всё-таки скорректировала мои планы.

– Глубокий погреб. Ледник. Холодная вода, – прочёл я вслух хриплым голосом и плавно повернул руль, сбавляя скорость.

Нарваться на ледник было настоящим везением. К тому же я был вынужден признать, что явно отклонился от изначально задуманного маршрута. Сколько бы я не напрягал память, так и не мог припомнить наличие ледника в этой области. Несмотря на верный вектор движения, похоже, я сильно от него отклонился.

Но, как говорил Сарсеныч, нет худа без добра. Ледники встречались нечасто, а их пользу невозможно было переоценить. Когда небо пыталось расколоться на множество кусков, а чёрная сажа покрыла всё вокруг, наша Земля тоже начала меняться. Многие называли это явление «перерождением». Внутри неё образовались большие полости, вызванные никому не известными аномалиями.

В этих странных пузырях всегда нарастал лёд. Красивый, чистейший лёд. И сколько бы его оттуда не выгребали, он всегда появлялся вновь. Талая вода из этого льда обладала настоящими целебными свойствами. Раны, промытые ею, переставали гноиться и затягивались значительно быстрее. Для питья она тоже годилась, значительно улучшая общее состояние организма, увеличивая выносливость и прибавляя сил. К сожалению, процесс намерзания льда был очень долгим, как следствие, такая вода имела весьма ощутимую стоимость. Так что попросту её никто не тратил, приберегая для особых случаев или крайней нужды. Впрочем, иногда можно было порадовать себя кружкой кристально чистой талой воды.

Я тут же представил, с каким удовольствием смочу обрывок ткани и приложу к расцарапанной ноге. Во время одной из остановок среди опустевшего безымянного посёлка я случайно наступил на кусок деревянного бруса, прикрытого пожухлой травой. Как оказалось, он лежал на краю небольшого углубления.

Увесистая деревяшка, поднятая весом моего тела, тут же хитро вывернулась и сильно ударила меня по голени. Вдобавок ко всему, штанина выдавших и лучшие времена брюк не выдержала и разошлась по шву так, что старый кусок древесины ободрал мне кожу и оставил добрый десяток грязных заноз. И это хорошо ещё, что в бресе не было ржавых гвоздей. Тогда я подумал, что это тонкий намёк от высших сил, что мне следует быть более осторожным в заброшенных посёлках и штаны новые тоже не помешают.

Случилось это пару дней назад. Занозы я давно удалил, а царапины промыл остатками самогона, на которые у меня были совершенно другие планы. Всё вроде обошлось, но ушибы и коросты периодически напоминали о себе неприятным зудом, иногда сильно отвлекающим от дел.

Тем временем несколько мальчишек, играющих на большой куче речного песка, с любопытством уставились на меня. Похоже, полуденное солнце несколько их не смущало. Они увлечённо скакали по песку, выискивая особо крупные, отшлифованные водой камешки, и складывали их в старый блестящий железный чайник без ручки. Что ж, дети оставались детьми во все времена.

– Дяденька, а вы откуда? – по-хозяйски и с лёгким вызовом бросил мне самый старший из них.

На вид мальчугану было лет восемь, видимо, он и являлся предводителем всей этой компании. Остальные ребята были явно младше его.

– Издалека, – улыбнулся я, выбираясь из машины и хлопая дверцей.

– А что у вас на голове? – с нескрываемым любопытством протянул самый маленький, почёсывая зарастающие коросты на голых коленях.

– Это ковбойская шляпа, – поспешил ответить предводитель детворы с очень умным видом, чем вызвал уважительное покачивание голов своих товарищей.

– Верно, ковбойская шляпа, – кивнул я, заглядывая в импровизированный кузов УАЗика, сделанный мной вместо второго ряда пассажирских сидений.

– У нас такие шляпы не носят же... – то ли с вопросительной, то ли с утвердительной интонацией протянул ещё один мальчишка, пересыпая из ладони в ладонь горсть камешков.

– Вот что, молодежь... – протянул я, доставая из дорожной сумки красный пластиковый грузовичок. – Это вам, камешки возить к чайнику.

В глазах компании тут же появился заинтересованный блеск. Самый маленький, с сади-нами на коленях, даже спустился с вершины песчаной горы и сделал несколько шагов в мою сторону.

– Э, Бауржан, стой, тебе говорю, – остановил его старший и, поспешно обогнав малыша, подошел ко мне, взявшись за кабину протянутой игрушки.

– Не так быстро, – улыбнулся я. – Пригляните за моими вещами?

В глазах мальчишки промелькнули озорные огоньки. Он с любопытством осмотрел мои сумки, прикрытые пыльным брезентом. Я заметил его взгляд и отрицательно помотал головой.

– Я бы на вашем месте об этом не думал, – протянул я. – У меня там полно ловушек. Пальцы оттяпает в два счёта.

Стоящие позади мальчишки при этих словах нервно переглянулись и выжидающе уставились на своего лидера, который всё ещё держался одной рукой за кабину грузовичка.

– Ты врёшь, – очень рассудительно и по-взрослому заключил он, пристально посмотрев мне в глаза.

– Может быть, – кивнул я и продолжил, вкрадчиво понизив голос. – А может и нет. Мне кажется, эта машинка всё-таки лучше, чем риск остаться без пальцев.

– Машинка лучше... – не удержался Бауржан, который всё это время смотрел на игрушку как замороженный.

Старший мальчишка резко шикнул на него и продолжил задумчиво на меня смотреть. Спустя несколько секунд он согласно кивнул и сказал:

– Мы присмотрим за твоими вещами, дяденька. Можешь не волноваться.

– Спасибо большое, – улыбнулся я и выпустил грузовичок из рук.

Маленький Бауржан радостно захлопал в ладоши и подскочил к своему лидеру. Тот снисходительно кивнул и протянул ему машинку.

Дело было сделано. Подкупив доверие местных озорников, я направился к двери и хотел было уже потянуть на себя простенькую ручку, когда моё внимание привлек солнечный блик. Я тут же посмотрел в его сторону.

Прямо за домом начинался глухой забор из побуревшего от ржавчины листового железа, прикрученного к конструкции из стального уголка. В щель между створками больших ворот я смог отчетливо разобрать очертания борта БМП-2.

Я невольно хмыкнул и уважительно кивнул. Машина была достойная. Судя по брезентовым пыльным на стволе автоматической пушки и приборах наблюдения, за ней явно ухаживали. Солнечные лучи вспыхивали на затёртых до блеска траках, что явно свидетельствовало о том, что бронемашина не стояла без дела. В противном случае они бы покрылись налётом ржавчины в первую очередь. Кому и зачем понадобилась такая мощная броня в этом поселении, я не знал. Но факт оставался фактом. Этот грозный военный артефакт сгинувшего мира сейчас стоял на заднем дворе и выглядел вполне работоспособным.

«Может стоит у хозяина про неё выпросить? – подумал я, открывая дверь. – Железяка стоящая. Интересно, кто её топливом обеспечивает и ремонтом занимается?»

С этими мыслями я толкнул скрипучую дверь и шагнул в полумрак помещения. Тут же послышался мелодичный звон стальных трубочек китайского колокольчика, известного как «песнь ветра», закреплённого у входа прямо над головой.

Вокруг царил приятная прохлада. Свет полуденного солнца проникал внутрь сквозь широкие цветастые окна, освещая несколько рядов крепких деревянных полок, заставленных всякой всячиной. Я снял солнцезащитные очки и зацепил их одной душкой за карман рубашки.

– Убери их отсюда, сколько раз тебе повторять! – долетел до меня раздраженный мужской голос. – Эта ерунда не нужна никому! За каким чёртом ты их вообще малюешь? Чем бы добрым занялась...

Судя по характерному акценту, голос явно принадлежал казаху. Я поднял шляпу повыше на лоб и прошёл вглубь помещения.

Прежде чем изучить содержимое лавки, мне очень хотелось получить стакан прохладной воды. Я обогнул ряды полок и оказался перед длинным прилавком, повторяющим геометрию почти всех стен в помещении, только с метровым отступом от них.

Местный продавец, которым оказался полный мужчина-казах наконец-то удостоил меня своим вниманием, перестав вытирать руки куском не особо чистой тряпки. Его узкие, глубоко посаженные глаза быстро осмотрели меня с ног до головы, видимо подмечая, могу ли я представлять потенциальную ценность как покупатель.

На нём была надета засаленная голубая рубашка. На животе, подмышками и всему воротнику расплзались большие пятна пота. Было видно, что полуденную жару он переносит с большим трудом. На широком лице, изрытом выболевшими оспинами, выступали крупные капли пота. Было похоже на то, что он только что зашёл с улицы. Ведь в помещении было прохладно, и особой причины так потеть я не видел.

Если честно, мне он сразу не понравился. Я повидал достаточно людей, что бы начать доверять собственному чутью. А подводило оно меня крайне редко. Весь внешний вид и манера держаться этого мужчины говорили о том, что он явно ставит себя выше других. Я часто встречал людей такого типа с этим постоянно всё оценивающим взглядом. И многие из них являлись источником проблем и неприятностей разной степени тяжести. Я их всегда называл словом «барыга». Не торговцем, не продавцом, а именно барыгой.

Мне нравилось это слово. Я перенял его от покойного Насипа. Он всегда называл так людей, озабоченных только собственной выгодой. Людей, относящихся к окружающим всего лишь как к средству достижения собственных целей. А ещё барыгам было всегда не занимать старого доброго человеческого жлобства. Уж чего-чего, а этот ресурс водился у них в большом изобилии.

С другой стороны, мне стало интересно, откуда такая типичная надменность в глазах простого хозяина товарной лавки? Обычно барыги ворочали куда более серьёзным состоянием, чем просто несколько полок заставленных полезной мелочёвкой. Это было любопытно. Но не настолько чтобы задержаться в помещении дольше, чем я планировал.

– Добрый день! – Я улыбнулся, приветливо подняв руку.

Владелец-барыга, а у меня не было никакого сомнения, что именно он является хозяином этого помещения, кивнул в ответ.

– Какое симпатичное местечко, – сказал я, подходя поближе и планомерно осматривая ряды полок вдоль стены за его спиной.

Первое, что мне бросилось в глаза – это огромный стеллаж с различными видами огнестрельного оружия. Там было множество пистолетов, гладкоствольных ружей и нарезных карабинов. В центре всего этого великолепия красовалась пара Калашниковых. От доступа посторонних рук стеллаж был закрыт сварными рамами из обрезков стальной трубы с приваренной к ним мелкой сеткой.

– Ствол хочешь купить? – по-деловому быстро спросил хозяин, откладывая в сторону тряпку.

– Нет. Я увидел надпись про ледник. Мне бы водичкой флягу заполнить. Она простая или травяные настои добавляете для аромата?

– Простая, – буркнул мужчина.

– Тоже подойдёт.

Барыга повернулся к полумраку дверного проёма, находящегося в паре метров от него, и крикнул раздражённым голосом:

– Айгуль, я сколько ждать буду? Банки сами себя не расставят, давай быстрее!

Следом последовал поток сухой казахской брани. Я не очень хорошо знал язык, но понимал смысл сказанного в общих чертах.

– Если бы не твоя мать, давно бы тебя... – и барыга замолчал, посмотрев в мою сторону. – Надоела уже, никакой пользы от неё, только ерунда эта...

С этими словами он указал на несколько картин, стоящих в дальнем углу помещения, на которые я даже не обратил внимания.

– Сейчас, Камиль Испаич, всё сделаю! Одну минутку! – долетел из коридора приятный молодой женский голос.

Иногда в жизни бывает так, что всего лишь одна секунда или одно мгновение способны в корне всё изменить. Одна случайная цепочка событий, приводящая к непредсказуемому результату, способному что-то испортить или значительно улучшить. Подарить интересное приключение, воспоминания о котором навсегда останутся в памяти, или же втянуть в неприятности, о которых будет лучше никогда не вспоминать.

«Похоже сегодня именно такой день...» – подумал я, глядя, как в помещение вошла Айгуль.

Это была молодая стройная девушка лет двадцати пяти. Она несла в руках большой деревянный ящик, с верхом заставленный стеклянными банками с маринованными овощами и мясом. Солнечный свет, проходящий сквозь цветные квадратные стекляшки, отражался матовыми бликами на длинных чёрных волосах, собранных в тугой хвост.

Айгуль бросила на меня секундный взгляд, и то только для того, чтобы убедиться, что сможет пронести свою грудку банок, не задев покупателя. Но и этого оказалось достаточно, что бы её образ надолго застыл пред моим внутренним взором.

Бывают такие девушки, которые приковывают к себе мужское внимание всем своим видом, движениями и пластикой тела. Они, может, даже и не хотят этого, просто так получается само собой, помимо их воли. Будто судьба создала их с единственной целью – одурманивать мужчин.

Как неоднократно предупреждал Сарсеныч, когда я начал подрастать, что от таких женщин стоит держаться подальше. И он, конечно же, был прав. За последний десяток лет я несколько раз убеждался в этом на собственном опыте. И, не смотря на горькое послевкусие таких приключений, всё равно вспоминал о них с определённым душевным трепетом.

Что ж, похоже, Айгуль была именно такой молодой женщиной, к тому же обладающей очень притягательной внешностью. Неспеша изучая запечатлённый в мозгу образ девушки, я пришёл к выводу, что она полукровка. Резковатые азиатские черты лица и характерные карие глаза прекрасно гармонировали с пухлыми губками и округлым подбородком. Несколько тонких линий, оставленных подводочным карандашом, делали взгляд загадочным и притягательным. Прекрасная фигура, стройные ноги. От моего внимания не ускользнула округлая попка, приковывающая к себе взгляд подобно магниту.

Что ж, если перед тобой предстаёт столь прекрасная и вызывающая желание девушка, почему бы и не предаться фантазиям о возможных перспективах мимолётного увлечения? Ведь в жизни и так слишком много трудностей и проблем. И встречаются они гораздо чаще,

нежели столь очаровательные особы. Достаточно только отъехать подальше от обжитых мест. Впрочем, и на обжитых местах неприятностей тоже навалом. Так зачем отказываться от этих незатейливых радостей? К тому же девушка рисовала картины. А это было что-то очень не свойственное для подобных женщин. В любом случае, мой интерес был разогрет достаточно, чтобы взглянуть на работы Айгуль.

Зная, что надо проявлять уважение и соблюдать традиции, я не стал откровенно на неё пялиться. Впрочем, сделать это было достаточно сложно, потому что всё естество буквально орало о том, что хочет созерцать эту красоту как можно дольше.

Я отошёл в сторону, уступая девушке дорогу, и почесал затылок, сдвинув при этом рукой шляпу так, что бы барыга Камиль не мог видеть, куда на самом деле направлен мой взгляд.

Айгуль тем временем подошла к нужной полке и принялась разгружать ящик. Я вернул шляпу на место и посмотрел на барыгу. Тот откровенно пялился на задницу девушки. Не надо было обладать какими-то сверхъестественными способностями, что бы уловить ход его мыслей. Это было более чем очевидно

– Ледниковой воды сколько тебе? – протянул барыга, не глядя в мою сторону.

– Такая жара, мне бы стакан сейчас выпить, путь ещё предстоит не близкий. А так хочу заполнить флягу и пятилитровый термос. Думаю, будет достаточно.

– Еда, патроны, ещё что-нибудь купи... – добавил Камиль со всё той же интонацией, балансирующей на грани вопроса и утверждения.

– Благодарю за предложение, но мне только воды.

– Расплачиваться чем будешь?

– На обмен.

– Нет. По обмену мы больше не работаем. Караванный путь рядом, монеты есть?

– Найдётся пара штук, – кивнул я.

– Две монеты за всё, – протянул Камиль, задумчиво вытерев пальцами уголки рта, в которых выступило слишком много слюны.

– Многовато для шести литров воды, – присвистнул я. – Притом, что даже без добавления отвара.

– Стакан бесплатно выпей. Сил придаст, – отмахнулся Камиль, давая понять, что торговаться не будет. – Не нравится – купи ещё что-нибудь. Тогда скидку сделаю.

После удара Великой Катастрофы долгое время в мире никто не проводил никаких торговых операций. Практически все необходимые товары остались в огромном количестве. Иди и бери, что хочешь, только очисти от чёрной сажи и пользуйся. Деньги, драгоценности – всё утратило своё прежнее значение. Кто-то по старой памяти ещё хранил несколько стопок цветных купюр, видимо, как символ прошлой жизни или тлеющей надежды, что всё когда-нибудь станет как прежде. Но ничего подобного не произошло.

Потом долгое время люди просто обменивали между собой всё необходимое. В основном это были продукты питания. Во многом именно это и обусловило то, что немногочисленные выжившие быстро покинули руины крупных городов. Они перебирались на открытые пространства и свободную землю, где можно было что-то выращивать или держать скотину. Так длилось долгие годы. Кто-то выращивал, кто-то отбирал это силой. Кто-то сбивался в более крупные поселения, кто-то в более крупные банды.

А потом стали появляться странные караванные монеты. Их никто не штамповал и не отливал. Чтобы найти такую, надо было вернуться в мёртвые города. В мёртвые дома. В мёртвые квартиры. Было похоже на то, что сама Великая Катастрофа позаботилась о том, чем будут регулироваться товарно-денежные отношения между уцелевшими людьми.

Как правило, монеты находили рядом с останками людей, на которых в момент удара Катастрофы было много ювелирных украшений. В больших магазинах, кассовых рядах, лом-

бардах и прочих местах шанс найти монету значительно возрастал. Природу их происхождения никто не мог объяснить, а сам момент добычи этой редкости был окутан мистическим ореолом.

Лично я ни разу монету не находил. Хотя пытался много раз. Знающие люди поговаривали, что для успешного поиска надо вовсе не хотеть ничего найти. Вот и получалось, что серебро, золото, бриллианты не имели больше особой ценности. Хотя многие до сих пор их собирали. Потому что было глупо не признавать их притягательную красоту.

Мне попадалось много побрякушек, которые сейчас стоили меньше, чем надёжное ружье или коробка патронов. А вот с караванными монетами дело обстояло иначе. Эти яркие блестящие кругляши, будто сделанные из сплава всех известных драгоценных металлов: золота, серебра, платины и чёрных частиц Великой Катастрофы, имели особую ценность. Они были уникальны. Где бы не находили монету, она имела идеально круглую форму. Размер чуть больше ногтя большого пальца среднестатистического человека. Глянцевая поверхность обеих сторон была украшена причудливым узором из еле заметных разводов с ярко-голубым отливом.

Поцарапать ножом или согнуть монету было практически невозможно. Хотя со временем их всё-таки приноровились разрезать на несколько частей, но для этого было необходимо иметь специальное оборудование. Делили в основном на половинки и четверти.

Находились монеты редко, и не каждому это было дано. Старики говорили, что только человек, избавившийся от привязанностей, очистивший свою голову от сомнений и что-то там ещё, мог рассчитывать на заветную находку.

– Четвертак за всё, – наконец-то нарушил я затянувшееся молчание, запуская руку в карман брюк, где в потайном шве хранил небольшой запас монет.

Остальные свои сбережения я предусмотрительно прятал под разными деталями машины. А ещё в потайных кармашках рюкзака и нескольких походных сумок. Это было достаточно распространённой практикой, чтобы не потерять всё сразу.

– Чего четвертак? – непонимающе моргнул Камиль.

– Четверть монеты, – уточнил я.

Барыга наконец-то оторвался от созерцания форм девушки и посмотрел на меня с нескрываемым презрением.

– Слушай, ты не местный, я тебя ни разу здесь не видел. Поэтому ты, наверно, не знаешь, что мы половинки и четвертинки не берём. Две монеты за воду. стакан можешь выпить бесплатно, в рекламных целях, так сказать. Это единственное место с ледником на ближайшие пять сотен километров, ясно тебе? Нигде больше ледник не держится. Тут у нас полость, выжженная Катастрофой и прекрасный лёд. Не хочешь, не бери. Только время моё перестань тратить, у меня и другие дела есть же.

Похоже, торговаться было и правда бесполезно.

– Хорошо. Тогда я выберу ещё что-нибудь.

– Давай, только побыстрей. Пять минут максимум, – фыркнул барыга и для наглядности показал мне ладонь со всеми оттопыренными пальцами.

Я понимающе кивнул и двинулся вдоль полок. Тем временем Айгуль переставила последнюю банку и опустила ящик, устало вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. Пользуясь благородным предложением осмотра всех товаров в лавке, я ещё раз посмотрел на девушку. Она мне определённо нравилась. Выгоревший чёрный топик обтягивал красивую грудь, а в широком вырезе игриво просматривался кантик плотного лифчика.

«Хорошо, что на улице жара, – иронично подметил я. – Провоцирует, так сказать, девчонки на минимум одежды. Очевидно, в этом поселении подобный внешний вид не осуждается. А может быть, ей просто наплевать на чужое мнение? Да, вполне может быть...»

Проходя мимо девушки, я приветливо кивнул. И ловко пользуясь преимуществом широкополой шляпы, скользнул взглядом в заманчивую ложбинку между грудей, как раз в тот момент, когда находился спиной к барыге.

– Айгуль, с банками закончила? – тут же гаркнул Камиль.

– Нет, ещё четыре ящика.

В её голосе чувствовалась усталость, которую она явно пыталась скрыть.

– Почему нет? Чего долго так копаешься? Давай быстрее, закрою через пять минут. Сейчас только этот ещё что-нибудь выберет...

Обращение «этот» явно было адресовано в мою сторону. Я повернулся и почтительно кивнул барыге, изобразив милую улыбку. Покойный Сарсеныч учил меня, что как бы ни был груб и недальновиден человек, находящийся рядом с тобой, никогда не следовало опускаться до его уровня. К тому же я был более чем уверен, что подобная улыбочка разозлила его ещё больше.

– Прекрасная лавка! Такой выбор, просто глаза разбегаются! – восхищённо протянул я.

Камиль недовольно фыркнул и, достав из-под прилавка пару толстых тетрадей, стал перелистывать исписанные страницы.

Айгуль, заправив за ухо выбившуюся из хвоста прядку волос, поспешно скрылась в полумраке дверного проёма. Я с трудом удержался от того, чтобы не проводить восхищённым взглядом её бедра, покачивающиеся из стороны в сторону. Закончив делать вид, что действительно интересуюсь большинством выставленного барахла, я наконец-то оказался в дальнем конце лавки, где находились картины девушки.

Я ожидал увидеть что угодно. Действительно безвкусную мазню или банальные натюрморты, на которых в лучшем случае могли заменить кабачки с помидорами на пистолет и россыпь патронов. Или же репродукцию картин прошлого, о которых теперь мало кто помнил. Ещё был велик риск нарваться на однотипные пейзажи, сделанные на скорую руку. Настолько скорую, что художник зачастую даже не старался вложить в них хоть толику таланта.

Но первое, на что упал мой взгляд, оказалось полотно шириной почти метр, натянутым на крепкую деревянную раму. Я невольно замер, не в силах отвести глаз от изображения навсегда застывшего на поверхности холста.

Это был небесный разлом, который я видел в тот самый роковой день. Мне встречалось множество подобных картин. Это была достаточно популярная тема у художников, переживших Великую Катастрофу. Ведь никто практически не успел сделать снимки этого явления или заснять на видео. А если и успел, то, скорее всего, не пережил этот день, превратившись в искрящийся манекен, покрытый чёрной сажой.

Первое время подобные картины вызывали у меня раздражение, потому что каждый раз тревожили память о погибших родителях и жизни, которой больше нет. А потом, спустя годы, наоборот, вынуждали просто улыбнуться. Ведь каждый новый художник начинал добавлять в картины своё уникальное видение, чем всё дальше и дальше уходил от реальности. А потом я и вовсе утратил интерес к подобной тематике.

Но этот раскол был нарисован так, будто бы он только что вспыхнул прямо на поверхности холста. Казалось, что пройдет ещё секунда, и меня собьет с ног невероятной силы ураганный ветер. Я смотрел на холст и не мог произнести ни слова. Я снова чувствовал себя семилетним мальчишкой, застывшим от ужаса.

Возможно, всему виной было плохое освещение дальнего угла лавки, но мне начинало казаться, что полотно медленно увеличивается в размерах. Резкие тревожные мазки словно стремились сорваться со своих мест, окутав меня облаком сажи. Будто Катастрофа решила вернуться за мной спустя десятки лет, чтобы не дать второго шанса пережить этот день. От всего этого в моей душе начинал шевелиться давно забытый страх... Я сдавленно чертыхнулся и, невольно моргнув, с трудом отвёл взгляд от застывшего на холсте разлома.

В нижней части картины, в более светлых, контрастирующих с общей гаммой тонах был изображён УАЗ-ик и стоящий рядом с ним человек. Вернее их контуры на фоне красно-оранжевого неба. И человек и автомобиль были проработаны не так детально, будто были призраками. Или некими образами из странного видения о возможном будущем. Мне казалось, что это два времени, прошлое и настоящее, которые разделяли картину пополам, буквально растворяясь друг в друге. Голова человека была поднята, словно он смотрит прямо на раскол. Но в то же время вдали виднелись еле различимые силуэты разрушенных многоэтажек большого города. Так что по замыслу художника он вполне мог смотреть и на них.

Я так и стоял напротив, чувствуя, как меня переполняют давно забытые эмоции. Страх. Щемящая тоска. Какая-то безысходность. Но в тоже время было и что-то светлое в этой картине. Какая-то призрачная надежда или просто философичное высказывание художника, что несмотря ни на что, жизнь продолжается.

– Это Айгуль рисует? – наконец-то смог выдавить я, спустя почти двухминутное молчание.

– Да, – буркнул барыга, не отрываясь от записей.

– Откуда она знает, как выглядел разлом? Сколько ей лет?

– Двадцать четыре, – отозвался Камиль, убирая тетради. – Годик был, когда бахнуло. Так что формально она Катастрофу застала.

– Годик?! И с такого возраста она так хорошо всё запомнила?

Барыга фыркнул и, двигаясь вдоль своей стороны прилавка, подошёл ко мне. Я совсем не заметил, как утратил бдительность и выказал свою искреннюю заинтересованность картиной. Это было ошибкой. Теперь я вряд ли вообще уложусь в изначальную пару монет.

– Мама у неё хорошая рисовальщица была. Областной союз совета художников возглавляла. Видимо, талант в генах передался, а теперь она просто со слов стариков рисует.

«Похоже, помимо слов, она ещё очень верно понимает их эмоции...» – подумал я и добавил вслух:

– Чего же она с таким талантом помидоры на полки составляет?

– Потому что её семья мне должна, – хмыкнул барыга, покосившись на картину. – Они двадцать лет под нашим покровительством жили. Мой отец был сильно обязан её отцу. Наказал заботиться об этой «творческой» семье и уважать их жизнь. Я этого вообще не понимаю, за что их уважать? Сидят, нихрена не делают, а ты им и воду, и еду. И с домом помощи, и с ремонтом машины. И всё за просто так. А они тебе на день рождения стихи или мазню какую-нибудь... Но с недавних пор всё чуть-чуть по-другому стало. Я тут дела в порядок привожу, вот и пришло время долги отрабатывать.

– И что, хорошо получается отрабатывать?

Камиль довольно улыбнулся и вытер уголки рта.

– Пока не очень, но мы это скоро поправим.

С этими словами его глазки заблестели особенно маслянисто, так что я вполне догадался, что он имеет в виду.

– Что же её родные думают по этому поводу?

– Да ничего. Мать похоронили недавно. Неделю назад поминки были. Она перед смертью очень просила, чтоб я о дочери позаботился. Так что надо позаботиться...

Я вновь посмотрел на картину. Полумрак угла и рассеянные блики от цветных стёкол лишь усиливали мистический эффект. Мне так и казалось, что мазки кисти словно оживают и находятся в каком-то непрерывном рябющем движении.

– Так, время выходит же. Давай, решай, берёшь воду или нет? – деловито поторопил меня Камиль.

– Да. Возьму воду и картину.

– Четыре монеты, – тут же выпалил барыга.

– Четыре монеты за глупую мазню, которой здесь не место, если я правильно помню? – попытался возмутиться я, в глубине души понимая, что уже проиграл этот торг.

Камиль прищурился и выразительно на меня посмотрел.

– Ты на неё так долго смотрел, хочешь сказать, она столько не стоит?

Он был прав. Картина зацепила меня настолько, что я даже не стал рассматривать другие представленные работы.

Я не очень верил в судьбу, предначертания и различные знаки. Но именно эта ситуация вынуждала меня прямо сейчас начать пересматривать свои убеждения. Ведь контур человека рядом с УАЗ-иком были явно моим. Да, собственного стального коня я не спутаю ни с каким другим. Вон даже тёмный мазок на капоте, как раз в том месте, где у меня реальное ржавое пятно и вмятина.

«Ну нет. Просто воображения разыгралось, – подумал я. – Мало ли сколько народу гоняет по степям на точно таких же машинах? Просто распространенный образ... Но почему именно здесь? Почему именно эта девушка нарисовала всё так реалистично? Почему я сошел с маршрута и уткнулся именно в этот посёлок? Почему я недавно поцарапал ногу, увидел указатель на ледник именно в этом месте, а не каком-нибудь другом? И, в конце концов, почему на картине этот человек держит в руке ту же самую шляпу, что сейчас находится у меня на голове?»

– Две с половиной. – Я вновь попытался скинуть цену.

– Мы половинки и четверти не берём. Сказал же! – Камиль явно начинал раздражаться. – Либо четыре монеты, либо давай прощаться. Закрывать надо, дела ждут...

– Хорошо, четыре, – тяжело выдохнул я.

Барыга неохотно протянул мне свою пухлую руку. Я пожал её в знак окончания торгов и отказа от претензий по цене. Камиль легонько кивнул, скорее просто по привычке, нежели действительно был рад заключенной сделке. А у меня вообще складывалось такое впечатление, что судьба этой лавки его и не заботит вовсе. словно он просто вынужден здесь находиться в силу каких-то обстоятельств.

– Айгуль! – крикнул он в дверной проём, из которого доносилось приглушенное позвякивание стеклянных банок.

– Да, Камиль Испайч.

– Воды стакан с ледника принеси. И сейчас ещё шесть литров нальешь. И это, тряпку какую-нибудь тоже найди, мазню твою завернуть...

– Картину купили?! – тут же воскликнула девушка, словно не веря своим ушам.

– Купили, купили... Ты не расслабляйся особо, это ничего не значит. Один чёрт завтра всё это уберешь отсюда.

– Но, Камиль Испайч...

– Никаких «но», неси воду давай! – резко оборвал её барыга, добавив пару крепких выражений на казахском.

– Давай флягу свою и термос сюда неси.

– Я бы предпочёл сначала получить бесплатный стакан. В рекламных целях, так сказать, – улыбнулся я

Камиль открыл было рот, очевидно, собираясь высказать мне всё, что он думает о моих манерах, но тут где-то с другой стороны здания закрипели ржавые петли массивной двери.

– Камиль Испайч, вы здесь? – громко крикнул сухой мужской голос, глухим эхом раскатившийся по всему помещению.

– Здесь. Чего хотел?

– Сафаргалеевы платить не хотят. Говорят, срок аренды не вышел! – отозвался хрипун.

Судя по всему, человек стоял где-то на пороге и кричал в открытую дверь, почему-то не собираясь входить внутрь.

– Что значит «не хотят»?! – воскликнул Камиль и поспешно перешел на казахский язык, громко ругаясь и выходя из лавки.

Из его слов я примерно понял, что он поносит как Сафаргалеевых, так и его собеседника за то, что тот слишком громко говорит о вещах, не предназначенных для чужих ушей.

Стоило Камиллю покинуть помещение, как из дверного проёма тут же выскочила Айгуль, держа в руках оранжевый пластиковый стаканчик, покрытый капельками драгоценной влаги. Девушка выглядела очень взволнованной. Она покосилась в сторону удаляющегося барыги, а потом устремила на меня взгляд своих прекрасных глаз.

– Ты картину купил? – выпалила она, протягивая стакан.

Я кивнул. Айгуль внимательно меня осмотрела, словно выискивая какую-то скрытую деталь, которая была для неё чрезвычайно важна. Я же, взяв небольшой стаканчик, сделал осторожный глоток. Вода была действительно ледниковой, её вкус было не возможно ни с чем спутать. К тому же у меня почти сразу свело зубы от холода.

– Откуда ты едешь? – быстро спросила девушка.

– Издалека, – уклончиво ответил я.

– Ты местный?

– Не совсем.

– Путешествуешь?

– Да.

– Как далеко забираешься?

– Скажем так, пара тысяч километров далеко не предел...

– Жена, дети есть?

– Нет.

Айгуль выпаливала вопросы с такой скоростью, будто они были давно заготовлены. И, судя по начинающим всё больше блеснуть глазам, мои ответы её вполне устраивали.

Несмотря на то, что я всё ещё находился под сильным впечатлением от картины, меня сильно интриговало такое поведение девушки. Я даже не стал лишний раз пялиться на её прекрасное тело. В голове боролись две навязчивые мысли. Одна из них была о том, что подобная «случайность» не случайна. Мне явно стоило получше обо всём расспросить Айгуль. Но вторая мысль очень громко кричала, что надо поскорее расплатиться и оставить лавку. Я был более чем уверен, что барыга Камиль не так прост, как кажется на первый взгляд. И мне явно стоит держаться от него подальше.

– Вот эти образы, – я указал рукой на нижнюю часть картины, – откуда они? Как они пришли тебе в голову?

– Приснились в ночь, когда мама умерла. Она очень сильно бредила перед уходом и говорила, что мне надо идти вместе с путником подальше от этих мест. Это недавно совсем случилось.

– Да, я в курсе, Камиль Испайч сказал уже.

– Забери меня! – напряженно прошептала Айгуль, придвинувшись ко мне почти вплотную.

Я чуть было не подавился вторым глотком воды.

– Что?

– У тебя же есть машина. Забери меня! – повторила она, схватив мои руки и сжав в своих ладонях, – Камиль та ещё скотина, ты не представляешь, на что он способен! Я такой жизни не хочу, понимаешь же!

Я чувствовал, как нервно дрожат её пальцы. От столь резкого прикосновения моё тело буквально окатило волной приятного тепла и нервного возбуждения. Так бывало всякий раз, когда длительное время не удавалось ощущать физического контакта с противоположным полом.

– Ух, давай-ка полегче, – выдохнул я, с трудом найдя в себе силы сделать шаг назад и мягко вытянуть свои руки из её горячих ладоней. – Ты к каждому мужику так кидаешься?

В глазах Айгуль промелькнули дикие искорки. Она так и осталась стоять, держа руки перед собой. Было видно, что в ней борются эмоции. Одна из них – это точно обида, что выставила себя полной дурой. А вторая – желание всё-таки добиться своего.

– Нет, не к каждому. К тебе первому, – озлоблено ответила она.

– И куда ты ехать хочешь?

– Да неважно куда, лишь бы подальше отсюда! Ты же сможешь меня защитить?

События развивались слишком быстро. Я даже не заметил, как согласно кивнул. Впрочем, тут же опомнившись, быстро добавил:

– Что, во всём поселении больше защитников нет?

– Все боятся Камиля, – быстро заговорила девушка, постоянно оглядываясь на дверной проём, из которого доносилось приглушенное эхо ругани. – Ты даже не знаешь, насколько он сильный. В смысле влиятельный. Ко мне вообще никто не подходит, боятся... Хотя смотрят все. Все мужики. И все хотят. Но никто не посмеет и пальцем тронуть. Я могу хоть голой по посёлку ходить, понимаешь?

Конечно, я всё прекрасно понимал. Красивая молодая девушка. Властный мужчина, который привык, чтобы всё было так, как ему надо. Старые обязательства, больше не играющие никакой роли. Всё было очевидно. Единственное, что меня заинтересовало в этой ситуации, так это явное нежелание Айгуль смириться с таким положением вещей.

Обычно женщины, которых природа не обделила красотой, не жаловались и наоборот, стремились оказаться рядом с сильным и обеспеченным мужчиной. Впрочем, Камиль был далеко не красавцем. Но разве это когда-то было проблемой? Главное – полная уверенность в лёгкости своей жизни, ради которой женщины готовы были терпеть такие мелочи, как пренебрежительное к себе отношение. Не говоря уже об отсутствии внешней привлекательности своих избранников.

Мне стоило большого усилия, чтобы не дать напирющим изнутри чувственным эмоциям захватить власть над голосом разума. Сколько я видел подобных историй, когда молодая, очень симпатичная девица ловко крутила сознанием юного дурака? Много. А то и не одного, а сразу двух или трёх, готовых ради неё на всё, лишь бы не упустить лишний грамм её благосклонности. И чем всё это заканчивалось? А ничем. В лучшем случае – печальным, полным боли взглядом у костра. Или ещё хуже – земляным холмиком среди бескрайних степей за оградой кладбища.

«И что? Надо тебе это? – поинтересовался внутренний голос. – Да, Айгуль, бесспорно, очень красива и привлекательна, но что с того? Тебе же не шестнадцать лет. Не восемнадцать. Не двадцать и далеко не двадцать пять. Не стоит связываться».

Всё это время девушка продолжала мне что-то сумбурно объяснять, но я остановил её движением руки.

– Нет, с этим не ко мне, – улыбнулся я.

Айгуль замерла на полуслове. Её глаза гневно блеснули. Всё-таки было в них что-то такое, что выделяло её среди остальных. Впрочем, может это был всего лишь голос моих эмоций, явно желающих обладать этой красоткой.

– У меня просьба! Я тебя прошу! – напряженно прошептала она.

Похоже, для Айгуль действительно было важно уехать куда подальше. Но это меня не касалось. Мир и так был слишком хрупким, а людей в нём осталось чертовски мало. К тому же я не собирался терять самоуважение и вляпываться в неприятности при виде первой же сексуальной девицы. Тем не менее, я всё равно успел быстро прикинуть явные плюсы, которые мог получить взамен оказанной услуге.

– Нет, это так не работает, – хмыкнул я. – Просьбу нельзя предложить самой. Просьбу должны предложить тебе. Так будет правильно...

– Так предложи!.. – почти умоляюще прошептала девушка.

«Вот чёрт, – мысленно засомневался я. – Какая-то фантастическая история. Скажи мне ещё вчера кто-нибудь, что такое возможно, я бы рассмеялся. Но ведь это я на этой картине! И машина моя! Что это, если не знак той самой пресловутой судьбы? Что ж я веду себя как скотина? Впрочем, почему скотина? Разумный человек, который из последних сил пытается сохранить способность трезво оценивать ситуацию и думать головой, а не другим местом. Образы на картине, да, хороши, но это простое совпадение и не более. А позволить себе вляпаться в историю, только из-за того, что гормоны разыгрались и дико хочется овладеть ей прямо здесь, между полок – так это того не стоит, сам же понимаешь».

– Отличная вода, – хмыкнул я, допивая стакан. – Сейчас термос принесу...

С этими словами я надвинул шляпу как можно ниже, укрываясь от умоляющих глаз девушки и, поставив стаканчик на ближайшую полку, вышел на улицу. Вслед мне раздался сдавленный, всхлипывающий стон разбившихся надежд, но я постарался никак на него не реагировать. Когда я вернулся с термосом и флягой, Айгуль в лавке уже не было.

Явно недовольный и злой Камиль нетерпеливо переминался с ноги на ногу и постоянно прикрикивал на девушку, чтобы та пошевеливалась. Я передал ёмкости для воды, которые он поставил в коридор за своей спиной. Не успело дно термоса коснуться пола, как его тут же подхватила Айгуль и скрылась из вида, даже не глядя в мою сторону.

Барыга тем временем быстро обмотал картинку куском какой-то старой тряпки, после чего перехватил её обрывком верёвки и протянул мне. В скором времени в лавку буквально влетела Айгуль. На прилавок с глухим стуком опустился полный термос и походная фляга. Я вытащил из кармана четыре монеты и с характерным звоном бросил их на пластиковый лоток. Камиль по-хозяйски сгрёб красиво поблёскивающие кругляши пухлой ладонью и без лишних слов кивнул мне на входную дверь.

– Всего доброго, – улыбнулся я и вышел из лавки.

Стоило мне сойти с крыльца, как за спиной раздалось лязганье массивной цепи, продеваемой через дверные ручки с внутренней стороны. Мне стало немного не по себе. Впрочем, я был уверен, что это чувство быстро пройдёт. Надо только стараться об этом не думать и переключить мысли на что-нибудь другое.

Я подошёл к автомобилю и стал складывать покупки под пыльный брезент импровизированного кузова. Мальчишки продолжали играть грузовичком. Пока я был в лавке, они успели прокатать самую настоящую дорогу, огибающую всю кучу песка. Миниатюрная грунтовка была разделена на равные отрезки, за каждый из которых отвечал отдельный мальчуган. Машинка передавалась из рук в руки таким образом, что бы все смогли прокатить её по своему участку дороги и передать другому. В конечной точке пути сидел маленький Бауржан и с очень счастливым выражением лица высыпал камешки из кузова во всё в тот же блестящий чайник. Самый старший с довольным видом восседал на вершине, контролируя игровой процесс.

Я невольно улыбнулся. Термос занял своё место под брезентом, фляга отправилась в бардачок. Широкий прямоугольник картины примостился поверх вороха вещей. Если что, его всегда можно было переложить, но для этого надо было разобрать большую часть груза, на что мне абсолютно не хотелось тратить время. Как бы я не старался от них отделаться, но тяжёлые мысли всё равно проникали в душу и разум. Мне хотелось как можно скорее покинуть это место.

– Дяденька! – окликнул меня старший мальчишка, спускаясь с кучи песка. – Мы тут подумали, машинки мало будет за то, что мы за вещами твоими присмотрели.

– Любопытное заявление, – хмыкнул я, поворачиваясь к нему. – Мы же вроде бы договорились. Уговор есть уговор, разве не так?

– Так, – хитро протянул мальчишка. – Но мы можем Камиллю Испайчу пожаловаться, что ты нас обижал...

«Да уж, – подумал я. – Камиль и правда местный авторитет».

– Тебя кто научил такие условия ставить? Это шантажом называется. После заключения сделки менять её условия уже не принято. Караванщики бы такое не одобрили...

– А где ты видишь караванщиков, чтобы «порядочные» сделки заключать? – очень нагло и по-хозяйски заявил мальчишка. – Ещё что-нибудь давай!

– И что же ты хочешь, разбойник маленький?

Недолго думая, паренёк ткнул пальцем в мою шляпу.

– Да, ты явно знаешь толк в хороших вещах, – хмыкнул я, задумчиво почёсывая подбородок. – При всём уважении, но шляпу я тебе не отдам. Она со мной через многое прошла. Но я ценю твою деловую хватку. Предлагаю вот такой вариант.

С этими словами я выдернул из кармана рубашки узкие солнцезащитные очки. Мальчишка задумчиво посмотрел на протянутый ему предмет.

– Бери, ничего лучше я не предложу.

– Ладно, тоже неплохо...

Паренёк был явно доволен тем, что смог получить две вещи вместо одной за столь пустяковое дело.

– Слушай, – сказал я, когда пальцы озорника легли поверх очков. – Девушка в лавке работает, что про неё знаешь?

– Это уже информация, дяденька. Информация тоже товар. Давай ещё что-нибудь! – Тут же выпалил мальчишка и потянул очки на себя, но я продолжил их держать.

Это был прекрасный приём, и он всегда отлично срабатывал с ребятнёй, которая ещё не умела ловко скрывать свои желания за пустыми словами и фразами. Главное было дать почувствовать, что желаемая вещь уже почти у него в руках.

– Нет, – улыбнулся я. – Если ты меняешь условия сделки, тогда и я вношу дополнительные условия получения этих очков.

– Мы так не договаривались! – немного растеряно протянул мальчишка, но пальцы так и не разжал. – Так не делают же...

– Ну, мы же не караванщики, чтобы порядочные сделки заключать, верно?

Мальчишка горько хмыкнул. Похоже, ему очень не понравилось то, что я использовал его же уловку против него самого. Но ничего не поделаешь. Ударить в грязь лицом перед другими мальчишками он не мог, а очки уже почти были в его руках.

– Не повезло ей. Это всё, что знаю.

– Это почему?

– Ну, она красивая же. Камиль Испайч своё возьмет, пока не надоест. А потом побьет сильно и в гостиный двор отдаст деньги зарабатывать. Она там много заработает... Папа говорит, что за такую красоту и нескольких монет не жалко. Наверное, остальные дядьки тоже так думают.

Почему то я даже не смутился от того, с какой проницательной точностью парнишка об этом рассуждал. Судя по его деловому складу ума и явному желанию казаться старше, чем он есть, это было вполне закономерно. Похоже, судьба у Айгуль и правда была не завидная. Но это были не мои проблемы.

Я кивнул и выпустил очки. Паренёк тут же радостно нацепил их на нос и забрался на своё прежнее место на вершине песчаной кучи.

Я бросил взгляд на ярко-белый солнечный диск. Полдень уже миновал, и на земле начали появляться отчётливые тени. А мне ещё предстояло до наступления темноты разобраться, насколько сильно я отклонился от своего маршрута и по какой дороге мне лучше на него вернуться.

Я фыркнул и, быстро забравшись в машину, повернул ключ зажигания. В тягучем воздухе тут же раздалось послушное урчание мотора. Стараясь не думать обо всём услышанном, я выжал сцепление, врубил передачу и нажал на газ. Под колёсами зашуршали мелкие камешки, и придорожная лавка медленно проплыла мимо меня, исчезнув из поля зрения.

Солнечный свет, отражающийся от белёсой поверхности дороги, слепил глаза. Засунув руку в бардачок и сдвинув в сторону холодную флягу, я достал ещё одни солнцезащитные очки. Точно такие же, которые выманил у меня маленький барыга. Только эти были абсолютно новыми, даже не тронутыми налётом чёрной сажи. Удар Великой Катастрофы этот незатейливый артефакт прошлого пережил в большом грузовом контейнере, навсегда оставшемся лежать в кювете одной из дорог вместе с обломками грузовика, который его перевозил. Оторвав от дужек цветастые картонные этикетки, я быстро нацепил очки на нос. Их в моем бардачке валялось ещё с десяток.

За всей этой вознёй я миновал последний жилой дом посёлка. Дорога плавно поднялась над поверхностью земли, превратившись в широкую насыпь. Судя по тому, как хорошо она сохранилась, без работы тяжёлых бульдозеров здесь не обошлось. Что ж, если на заднем дворе лавки стояла исправная БМП-2, то не стоило исключать наличие и другой гусеничной техники.

Надо было признать, что оставленный населённый пункт со всеми его оградами и ветряками производил очень хорошее внешнее впечатление. Жаль, что внутри всё починалось такому неприятному человеку, как Камиль. Впрочем, люди жили и, видимо, особо не жаловались. Значит, их всё устраивало. И кто я был такой, чтобы нарушать тамошний порядок вещей.

По обеим сторонам от насыпи попадались ржавые остовы опрокинутых на бок автомобилей, с которых давно было снято всё, что представляло хоть какую-то ценность в хозяйстве. Сейчас их мятые бока зарастали высокой серой полынью, пряный запах которой висел в жарком воздухе. Миновав плавный подъём, я наконец-то увидел бензоколонку.

Рядом с небольшим зданием стояла белая побитая «Нива» её владельца. Вокруг, как и было положено подобному строению, валялись различные железки, сквозь которые всё так же прорастала вездесущая трава. Большие масляные пятна въелись в серо-коричневую почву в тех местах, где когда-то стояли цистерны с запасами ГСМ. Сами колонки уже давно превратились в такой же ржавый хлам, как остовы машин, которые я миновал.

Под остатками навеса, усиленного деревянными подпорками, поставленными явно после Катастрофы, стоял потрёпанный ЗИЛ. На жёлтой цистерне ещё можно было прочитать большие красные буквы «огнеопасно».

Ко мне вышел хозяин станции в сопровождении охранника с дробовиком. Их, как и следовало ожидать, сильно удивила моя шляпа. Они пустились в расспросы, на которые я, по своему обыкновению, отвечал односложными предложениями, стараясь не вдаваться в детали.

Взять бензин на обмен тоже не получилось. Похоже, за последние пять лет действительно многое изменилось, и караванные монеты всё больше и больше входили в обращение. Впрочем, я всё же уговорил владельца добавить пару литров в обмен на всё те же очки. Расплатившись, я завёл мотор и вновь выехал на дорогу.

Я старался выкинуть из головы всю эту историю с Айгуль и Камилем Испайчем. Но образ девушки, буквально умоляющей меня забрать её, до сих пор стоял у меня перед глазами. Это начинало раздражать. Всему виной была та самая картина. И я, как бы ни старался, так и не мог отделаться от мыслей о ней и Айгуль. Если собственные примитивные желания я вполне мог перебороть, то это совпадение никак не давало мне покоя.

Чем дальше я удалялся от бензоколонки, тем больше я проникался чувством безысходности этой молодой девушки. Казалось бы, всё было прекрасно, и вот она осталась совершенно одна. Нет матери, нет отца, нет мужа. Некому её защитить. И больше никакие данные ранее обещания не гарантировали ей нормальной жизни. А ведь не было похоже на то, что она сми-

рится с поджидающей её участью. К тому же образ этой картины привиделся ей в ночь смерти матери, и эти слова...

Я резко нажал на тормоз. Автомобиль встал как вкопанный, подняв в жаркий воздух облако пыли. Я перегнулся через спинку сидения и, откинув брезент, стянул тряпку с нижней половины полотна.

Руины города вдалеке, начинающие растворяться в красно-оранжевых мазках разлома. Мой УАЗик, я рядом с ним. И моя ковбойская шляпа, без всякого сомнения. Как такое было возможно? Это не могло быть случайным совпадением или распространённым образом. Это был именно я!

Я очень надеялся на то, что при ярком дневном освещении вся мистическая иллюзия от этого полотна полностью пропадёт. Но этого не произошло. Наоборот, мне казалось, что ещё чуть-чуть и этот призрачный образ обернётся через плечо, и тогда я точно смогу разглядеть своё лицо.

Как говорил Сарсеныч, решение всегда живёт в твоей голове во множестве вариантов. И самым сложным будет отыскать правильное. А выбрав, следовать ему до конца, даже если оно окажется не совсем верным.

За всё время, которое занял путь от лавки до колонки и заправка УАЗика, я так и не решил, как следует поступить. В конце концов, не каждый день к тебе подскакивает столь привлекательная девушка, от одного вида которой просто закипает кровь, и сама предлагает тебе просьбу. Окончательное, истинное решение пришло в голову само собой.

– Ставлю сотню монет, что я об этом пожалею... – сдавленно прохрипел я и развернул машину.

Чего стоит жизнь без приключений и чем я рисковал? По большому счёту ничем. Трезвый рассудок загадочно хмыкнул и, признав своё поражение, быстро встал на сторону эмоций, начиная обдумывать возможные варианты. Я почувствовал, как по телу начинает растекаться приятное тепло, успокаивающее мысли и тревожные чувства. Похоже, теперь сердце и разум находились в полном согласии друг с другом. А значит, я всё делал правильно.

Для большей надёжности я запустил руку под пассажирское сидение и, отодвинув в сторону крышечку небольшого тайника, достал массивный револьвер «Магnum» сорок четвёртого калибра. Это был подарок от хороших людей, с которыми я познакомился в прошлом путешествии. Солнечные лучи тут же вспыхнули на никелированной поверхности оружия, невольно вызвав у меня кривую ухмылку.

– Ну всё, самый настоящий ковбой.

Дорога обратно заняла намного меньше времени, чем я думал. К сожалению, никакого чёткого плана я так и не разработал. Место было незнакомым, люди тоже. И я решил сделать ставку на быстроту и наглость своих действий.

Несмотря на то, что полдень давно миновал, никто из жителей пока не спешил выходить на улицу. Это было мне только на руку. Мальчишки тоже куда-то разбежались. Я припарковал УАЗ носом в сторону дороги, чтобы потом не тратить лишнее время на разворот.

Лавка была закрыта, но я и не собирался входить через центральную дверь. Внутренний голос лишний раз напомнил, насколько глупо это выглядит со стороны и что я уже давно не в том возрасте, чтобы совершать подобные выходки ради женщины.

«Почему выходки? – подумал я. – Это не выходка, это – благородный мужской поступок. Лучше совершить его сейчас, чем дать маленькому червячку разочарования грызть душу на протяжении оставшейся жизни».

– Главное, чтоб её раньше времени не оборвали... – пробурчал я вслух, пристёгивая к бедру кобуру с массивным револьвером.

Я огляделся по сторонам и вылез из машины, прикрыв оружие куском грязной замасленной тряпки. Обойдя здание с другой стороны, я упёрся в деревянный забор, обшитый листами металосайдинга.

Большой лохматый шестилапый пёс крепко спал в глубокой яме, вырытой в тени фундамента. Судя по цепи и проволоке, протянутой вдоль стены, животное как раз должно было охранять запасной вход. Видимо, именно сюда и подходил тот человек, с которым перекрикивался Камиль, пока я находился в лавке. Теперь мне надо было пробовать пройти мимо спящего сторожа, не поднимая лишнего шума. Я ещё раз осмотрелся по сторонам и осторожно толкнул калитку.

Раздался противный скрип несмазанных петель. Из приоткрытой двери долетели приглушенные звуки нескольких разбившихся банок и какая-то возня. Я невольно замер на полушаге, посмотрев на пса. Но тот крепко спал, досматривая очередной собачий сон в приятной прохладе разрытой земли.

Я, стараясь ступать как можно тише, быстро преодолел оставшееся до двери расстояние и аккуратно толкнул дверь. В отличие от калитки, её петли было хорошо смазаны, и я практически бесшумно переступил порог. Оказавшись внутри помещения, я быстро сделал шаг в сторону, чтобы не отсвечивать своим силуэтом в дверном проёме. Очки оказались как раз кстати, потому что глазам не пришлось долго привыкать к полумраку после яркого солнца.

Я оказался в длинном коридоре с множеством проёмов, лишённых дверей. Пара из них были задёрнутыми некогда белыми ажурными занавесками. Судя по почерневшим от грязи краям, их давно никто не стирал. Противоположный проём выходил в само торговое помещение лавки, где я недавно был. В паре метров от меня на бетонном полу валялся деревянный ящик, а рядом с ним поблёскивали осколки нескольких разбитых банок с овощами.

– Давай, продолжай дёргаться, сучка... – раздалось приглушённое хрипение Камиля из соседней комнаты вперемишку с напряжённым дыханием Айгуль и звуками борьбы.

Я быстро убрал с бедра грязную тряпку и вытащил револьвер.

– Ты что, думала, я тебе долг прощу только за то, что ты у меня по хозяйству хлопчешь?! – в иступлении хрипел барыга.

– Пошёл к чёрту! – огрызнулась девушка и добавила на казахском языке пожелания скорой, но весьма мучительной смерти.

В ответ раздалась звонкая пощёчина.

– Что? Любишь, когда бьют?! Давай сильнее дёргайся, мне так больше нравится...

Я подкрался к дверному проёму и заглянул внутрь. Всё выглядело ровным счётом так, как я и ожидал. В небольшой комнате, заставленной под потолок ящиками и коробками с различными товарами, благородный барыга Камиль Испайч, прижав Айгуль щекой к грязному столу, собирался овладеть ей сзади. Волосы девушки были растрёпаны, выгоревший топик задран почти до подмышек, разорванные застёжки лифчика болтались на смуглой коже.

Айгуль из последних сил вырывалась, но, учитывая габариты барыги, это было практически бесполезно. Сейчас он был занят тем, что, прижимая девушку к столу одной рукой, второй пытался стащить с неё шортики.

– Перестань корявками махать, или сломаю их тебе сейчас! – пригрозил он, устав отбиваться от попыток девушки помешать ему.

В это время Айгуль попробовала вывернуться, но у неё ничего не получилось. Камиль легко приподнял её за волосы и с глухим стуком ударил головой о столешницу. В этот момент она встретилась со мной взглядом, и её глаза буквально вспыхнули в полумраке подсобного помещения.

– Ты на что там уставилась?! – воскликнул барыга, резко обернувшись.

Всё равно не имея в голове какого-то конкретного плана действий, я перехватил револьвер, как кастет, и нанёс прямой удар в лицо. Лучше было бы боковым, но тогда был велик риск

убить Камиля, если случайно попаду рукоятью оружия в висок. Он, конечно же, был негодяем, но разве это давало мне право лишать его жизни?

Барыга вскрикнул и, закрыв руками разбитый нос, попятился назад. Инициатива была на моей стороне, и я без лишних раздумий добавил резкий удар ногой прямо в жирное пузо. Несостоявшийся насильник полетел спиной вперёд и врезался в стопку ящиков, которые с грохотом осыпались ему на голову.

– Скотина! – выкрикнула девушка и принялась усиленно пинать поверженного Камиля.

– Если хочешь бежать, то самое время! – крикнул я, пересиливая царящий вокруг шум.

Девушка тут же обернулась. Несмотря на множество мелких ссадин, слёзы и растрепавшиеся волосы, её лицо буквально светилось нескрываемым счастьем.

– Спасибо тебе, спасибо! – воскликнула она, заключив меня в очень быстрые, но в то же время крепкие объятия.

Не успел я удивиться тому, как резко она включилась во всё происходящее, как Айгуль уже проскользнула мне за спину и скрылась в коридоре.

– Дай мне пять секунд! – услышал я её звонкий голос из соседней комнаты.

В это же мгновение послышался грохот падающих на пол ящиков, банок и ещё какой-то мелочевки, которую я не видел. Я бросил быстрый взгляд на медленно ворочающегося и болезненно постанывающего Камиля. Похоже, несколько ящиков как следует съездили ему по голове, и он на некоторое время утратил понимание того, что сейчас происходит.

Я убрал револьвер в кобуру и быстро вернулся к входной двери, осматривая задний двор. Поднявшийся шум разбудил пса. Видимо, он тоже пока не мог понять, что происходит и просто внимательно смотрел в тёмную щель приоткрытой двери, подняв треугольные уши и обнажив передние клыки. Никого из местных жителей, бегущих на выручку барыге, видно не было.

«Отличный план, – язвительно заключил внутренний голос. – Ты ведь именно так и задумывал, да? И что дальше?»

– Бежим! – крикнула Айгуль, пролетев мимо меня с большой нейлоновой сумкой, перекинутой через плечо. – Машина твоя где?

– На улице перед входом, – только и успел ответить я, как девушка рванула меня за руку и распахнула дверь.

Мы выскочили на улицу. Пёс, увидевший незнакомца, вскочил на могучие лапы и с яростным рычанием помчался вперёд, целясь зубастой пастью мне в ногу.

– Буян, нельзя! Нельзя! – тут же рявкнула на него Айгуль.

Похоже, с девушкой у пса были очень хорошие отношения. Скорее всего, именно она заботилась о нём больше других и чесала за ухом. Во всяком случае, я только так мог объяснить то, что шестипалый тут же замер в нерешительности. Но всё равно продолжал тихо рычать и скалить клыки. Это было очень хорошо, ведь стрелять в животное мне не хотелось. К тому же грохот сорок четвёртого «Магнума» должен был поставить на ноги половину посёлка. Тогда о быстром побеге можно будет забыть.

Мы выскочили за забор и помчались к машине. За спиной раздался громкий лай всё-таки решившего отработать свой хлеб Буяна. За какую-то пару секунд мы буквально долетели до УАЗика и запрыгнули в него. Айгуль без лишних слов плюхнулась на пассажирское сидение и стала крутить головой во все стороны, высматривая, не бежит ли кто-нибудь на шум и лай собаки. Взревел мотор. Протектор колёс вцепился в пыльную дорогу, и мы рванули с места.

– Будет неплохо, если ты укажешь мне на какую-нибудь тайную дорогу, о которой никто не знает. Или место, в котором можно запутать следы, – сказал я. – Думаю, когда Камиль придет в себя, он будет очень зол.

– Есть и дорога, и место, только поднажми! – крикнула девушка, откидывая с лица растрепавшиеся прядки волос. – Водишь хорошо? В машине уверен?

– Уверен, как в самом себе.

– Пока прямо по этой дороге, там скажу куда!

И с этими словами девушка оторвалась от сидения, ухватившись за край рамы ветрового стекла. Обернувшись в сторону стремительно удаляющегося посёлка, она на прощание продемонстрировала кулак с оттопыренным средним пальцем и выдала трогательную прощальную речь полностью нецензурного содержания.

– Я знала, что ты вернешься! – воскликнула она, опускаясь на место. – Знала, знала, знала!

Девушка выглядела очень счастливой. Её распирала радость. Я невольно улыбнулся, подумав, что никогда ещё не встречал человека, с такой лёгкостью покидающего родные места. Впрочем, подозрительно большая сумка, закинута между спинкой пассажирского сидения и багажным брезентом, говорила о том, что к побегу она уже давно была готова.

– Нам придётся запутать след, – хмыкнул я.

– Запутаем! Всё запутаем!

На лице Айгуль красовалась довольная улыбка. И даже начинающие проступать кровоподтёки от ударов явно не могли испортить ей настроение. Разорванный ворот топика обнажал большую часть груди и тёмный лифчик, но это нисколько не смущало девушку. Она радостно смотрела вперёд и с упоением вдыхала пряный степной воздух, бьющий в ветровое стекло.

– Ты куда ехал до этого?

– На запад, – сказал я и для верности ткнул пальцем в нужном направлении.

– Отлично! Через пятьдесят километров будет мёртвый город. Там ещё много асфальта осталось, и ездят через него довольно часто. Следов много оставляют, там можно запутать.

– Уверена?

– Да! В этом городе родители до Великой Катастрофы жили.

– Послушай, – не удержался я. – Эта твоя картина, ты ведь её не просто так нарисовала? Почему там именно такой человек и машина?

Девушка посмотрела на меня большими, полными радости и счастья глазами.

– Говорю же, мне сон приснился... Вот и нарисовала. А что?

– И тебе эти образы ничего не напоминают?

– Главное, что они тебе всё правильно напомнили, – загадочно протянула девушка и довольно потянулась, высоко подняв руки, подставляя ладони под встречный поток воздуха.

«Мистика какая-то...» – подумал я.

Тем временем меня тоже начала переполнять лёгкая эйфория от того, что всё столь удачно сложилось. Конечно, я не исключал возможность того, что кто-то бросится следом за нами. Но, судя по тому, что со стороны посёлка до сих пор не было видно пыльного шлейфа, пока можно было расслабиться.

Я улыбнулся и посмотрел на девушку. Рваная одежда и растрёпанные волосы делали её ещё более привлекательной. Внутренний голос уже собрался было отругать меня за такой ход мыслей. Ведь он был явно неприемлем, учитывая всё то, что только что собирался сделать с ней Камиль, но тут я встретился взглядом с Айгуль. Она прекрасно понимала, о чём я думаю, и, судя по всему, это её ни капельки не смущало.

– Насколько этот Камиль имеет большую власть? – спросил я.

– В округе его все боятся, но на чужую территорию он не сунется. Надо просто убраться как можно дальше.

Девушка улыбалась широкой искренней улыбкой. От этого у меня складывалось такое чувство, будто я совершил поступок более значимый, чем это было на самом деле. Улыбнувшись в ответ, я решил, что момент ещё не совсем упущен, и спросил:

– Ну что, просьба есть у тебя?

– Да, – улыбнулась в ответ девушка и поправила разорванный топик не столько с целью прикрыть грудь, сколько меня подразнить.

- Тогда говори.
- Забери меня как можно дальше, незнакомец, – хмыкнула она, повернувшись в пол оборота. – А я тебя отблагодарю, как положено... И не раз. Давай только потеряемся сначала.
- Давай, – согласно кивнул я.

Глава 4

Скелеты

– Дурацкая история, – осипшим от сна голосом заключил Азамат Бикашев.

Он подошёл к нашему прогорающему костру относительно недавно и застал только финал рассказа старика Коновальцева. Логист был тем человеком, который вставал раньше всех и ложился последним. Вот и сейчас, когда рассвет только начинал подсвечивать дальний край горизонта, он уже осматривал лагерь, проверяя, всё ли в порядке.

Похоже, присущее ему хроническое раздражение ещё не проснулось, и голос Азамата звучал достаточно спокойно. Впрочем, учитывая его отношение ко всему услышанному, ждать оставалось недолго.

– Почему дурацкая? – с лёгкой улыбкой поинтересовался старик, допивая остывший чай из своей пиалы.

Рассвет только начинал вступать в свои права, медленно оттесняя ночную тьму. Сейчас Коновальцев выглядел намного моложе своих лет. Глубоких морщин на лице практически не было видно. Очертания уставших плеч сливались со складками плаща и рюкзака, подпирающего спину. Разве что скрипучий, сильно ослабший голос выдавал его возраст.

– Дурацкая, – подтвердил логист. – Вот, скажем, сорок четвертый «Магnum». До Великой Катастрофы у нас таких револьверов не было. Только если у коллекционеров. Это же заокеанское оружие. Откуда ему тут взяться? Зачем ты обманываешь, старик? Ну ладно. Допустим, был у тебя такой револьвер. Но он же огромный и неудобный. Патронов к нему не найти будет. У нас редкость же. Как по мне, вот ПМ – удобно и надёжно.

С этими словами он похлопал себя по поясной кобуре.

– Если так подумать, ты прав, конечно – кивнул Коновальцев.

– Хочешь сказать, ты за океаном бывал?

– Всё, что я хотел сказать, я уже сказал.

Азамат хмыкнул и потёр шею и глаза. Я поднялся с кошмы, на которой лежал всё это время. Скоро начиналась моя смена. Положенный мне сон я с радостью разменял на историю приключений юного Коновальцева.

Если честно, мне тоже показался подозрительным момент с сорок четвёртым «Магnumом». Я такой револьвер вообще только в кино видел. Но загадочный путник рассказал историю именно так. Впрочем, может быть, и правда немного приукрасил местами. Может даже та пресловутая Айгуль и не была на самом деле настолько привлекательна. Но всё равно мне было интересно узнать, а что же было дальше. Я даже слегка расстроился, что подходит время моей смены и надо начинать собираться.

– Да и потом, – продолжил Азамат, – за такие дела тебя бы догнали в этот же день. А ты всё ещё живой. Значит, всё это враньё.

– А может, Камиль Испайч сильно ящиками по голове получил и провалился на полу подсобки намного дольше, чем следовало... – словно размышляя вслух, протянул Коновальцев. – Может, даже сознание потерял до самого вечера. Поэтому, когда спохватились нас искать, уже поздно стало. Ведь никто ночью в мёртвый город без сильной необходимости не сунется. Тут ведь видишь, какая интересная штука: вот есть уважение к человеку, а есть страх. Камиля именно что боялись. Вот если бы уважали, то заметили бы, что долго отсутствует. Сходили бы посмотреть, проведать... Одинокий, должно быть, он был человек. Оттого и злой. Потому, наверное, и привык всё сразу и силой брать. Или покупать...

Голос путника окончательно ослаб, и он сухо покашлял в сжатый кулак. Потом поправил поднятый воротник плаща, закрываясь от утренней свежести, и всем своим видом дал понять, что ничего он логисту доказывать не собирается.

– Так в итоге, чем дело кончилось? – не вытерпел я.

Коновальцев хитро хмыкнул и поправил рюкзак.

– Понравилась история? – задал он встречный вопрос.

Я кивнул.

– Раз такое дело, я могу с удовольствием её продолжить сегодня у вечернего костра, – ответил он. – Давайте так, молодые люди. С меня продолжение истории, а с вас полный чайник этого чудесного напитка.

– Договорились, – кивнул Столяров, который всё это время лежал на боку, укрыв широкую спину краем кошмы.

– Ты разве к вечеру не доберёшься докуда хотел? – спросил логист, почесав затылок и вернув тюбетейку на место.

– Не знаю, – ответил путник. – Я давно в этих краях не был. Может и ошибся на денёк, другой. Я уже далеко не молод, годы берут своё...

Лицо Азамата скривилось от начинающего проявляться раздражения. Он уже открыл было рот, явно собираясь нахамить Коновальцеву, но тут Столяров медленно поднялся со своего места и как бы случайно встал между логистом и путником.

«Молодец Илюха!» – мысленно поаплодировал я его смекалке. И хоть логист был вторым по важности человеком в караване, внушительные габариты пулемётчика тоже оказались весомым аргументом в этом мимолётном противостоянии. Азамат смерил Столярова узкими, воспалёнными от недостатка сна глазами и, презрительно фыркнув, направился к повозке погонщиков.

– Эй, а ну вставай, хватит спать! – разнеслись по всему лагерю его хозяйские оклики, переходящие на казахский язык.

– Вам, ребята, на смену пора... – протянул старик.

– Вы же не поспали совсем, – обеспокоенно протянул я. – А день будет долгим.

– О, я знаю, какими долгими и жаркими бывают дни в этих краях, – кивнул путник. – За меня не переживай. Уважаемый Анарбек выделил мне место в своей повозке на первом ярусе. Так что я превосходно выплусь во время пути.

Я согласно кивнул и, потянувшись, осмотрел расположение нашего каравана. Светало прямо на глазах. По всему лагерю тусклыми красноватым огоньками мерцали прогоревшие за ночь костры. Слышались приглушенные разговоры и деловитые окрики охранников, начинающих сматывать провода. В загоне фырчали мулы, ожидая утренней кормёжки. Из повозок выбирались люди с заспанными лицами, чтобы умыться и привести себя в порядок.

Я очень любил это время суток и то особое настроение, которое буквально витало в воздухе. Это было странное чувство, словно вся окружающая тебя реальность является не такой уж и реальной. А ещё я любил вот такие душевные истории, рассказанные под треск веток в костре. Иногда в такие минуты мне казалось, что я физически ощущаю, как время замедляет свой бег, и в окружающем мире не остаётся ничего, кроме языков пламени и голоса рассказчика.

Да, история путника мне очень понравилась. Чем дольше я его слушал, тем больше слова старика начинали оживать в моей фантазии. Со временем я мысленно заменил персонажа этой истории на самого себя. И вот это уже не молодой Коновальцев, а именно я гнал через степь побитый УАЗ-ик. И уже я вынужден был принимать непростое решение: помочь девушке или же спокойно продолжить путь.

Но история оборвалась сразу же после завязки, оставив в моей фантазии интригующую недосказанность. Будто мне дали лишь краем глаза взглянуть на ту самую прекрасно выполнен-

ную картину, но при этом оставили закрытой большую её часть. Так что любопытство не давало мне покоя. Но у меня были весьма конкретные обязательства, которые следовало выполнять.

Я присел на колени и стал перекладывать с земли в рюкзак своё мелкое барахло. Надо было ещё успеть привести себя в порядок, освежиться и зажевать пару листков переродившегося щавеля, прекрасно очищающего зубы и освежающего дыхание. А ещё унести на кухню все грязные тарелки, оставшиеся после ужина.

Рассвет уже окрашивал розово-оранжевым свечением тонкую полосу на горизонте. Самое опасное предрассветное время только что миновало, и смена обещала быть спокойной. Мне предстояло просто следить за тем, чтобы не произошло ничего подозрительного, пока караван сворачивается после ночёвки и готовится выдвинуться в путь.

Я был этому очень рад, потому что как раз будет время поразмышлять над услышанной историей. Все караванщики знали, что если никаких неприятностей не произошло во время движения, то именно предрассветные сумерки становятся вторым по степени риска временем суток.

С наступлением ночи можно опасаться только диких хищников. А вот в предрассветной прохладе вполне могли появиться звери и похуже. Те же бандиты. Расчёт был прост. Большинство людей в это время всегда спит самым крепким сном. А время реакции тех, кто бодрствует, значительно хуже, даже несмотря на огромное количество выпитого тонизирующего отвара.

Впрочем, я не особо переживал за это. Главное было не позволять себе комфортно обустроить свой пост, чтобы не было соблазна случайно задремать. К тому же смены в караване Уджаева были рассчитаны так, что времени на отдых вполне хватало. Так что каждый заступающий на пост охранник всегда был бодр и свеж. Если только не сидел всю ночь у костра, слушая истории загадочного путешественника.

Но мне повезло и здесь, так как моей зоной ответственности выступала та самая повозка, на которой был установлен ДШК. Так что Столяров практически всегда находился рядом. А вид этого крепкого парня у крупнокалиберного пулемёта всегда внушал спокойствие. Да и дополнительная пара зорких глаз никогда не была лишней.

Разобравшись с посудой и умыв лицо, я решил ещё раз уточнить у Коновальцева план на будущую стоянку. Получив клятвенное обещание, что он обязательно продолжит историю, я подхватил с земли рюкзак и направился к своему посту. Забравшись по лестнице на небольшую площадку верхнего яруса повозки, я быстро перекинулся парой фраз с охранником-казахом.

Ночь прошла спокойно. Большую часть времени тот просто просидел за одной из двух светозащитных перегородок. Их устанавливали на крышах и на земле по всему периметру, так, чтобы свет ламп не выдавал местоположения охранников. Конечно, при организованной атаке большой, а главное слаженной группы людей подобные уловки были малоэффективны. Но такие нападения уже давно являлись большой редкостью.

Я прислонил рюкзак к светозащитному экрану и несколько раз прошёлся по крыше телеги, чтобы взбодриться. Степной ветерок приносил пряный аромат трав, отошедших от дневной жары. Светлая полоса на горизонте становилась всё больше и больше с каждой минутой, предвещая скорое наступление одного из самых красивых зрелищ в мире – рассвета.

«Интересно, а Айгуль смогла бы нарисовать его таким, словно он замер на полотне? – пришла мне в голову любопытная мысль. – Чтобы казалось, будто ещё чуть-чуть и солнце двинется дальше? Надо будет вечером расспросить у Коновальцева, какие ещё картины она рисовала».

На крышу соседней телеги забрался охранник с биноклем. Я некоторое время наблюдал за его действиями. Он очень методично, видимо поделив в голове степь на сектора, осмотрел каждый из них. Закончив изучать местность, он тут же стал помогать сматывать проводку ночного освещения. Для этого ему пришлось встать на цыпочки, чтобы дотянуться до лампы во влагозащитном кожухе, закреплённой на высокой жерди.

Я посмотрел вниз. Лагерь давно проснулся и пришёл в движение. Мулы уже всюду хрустели кормом, запасаясь энергией на долгий день. Периодически слышались раздраженные возгласы Азамата, подгоняющего особо медлительных караванщиков.

Мне давно хотелось узнать, в чём же скрывалась причина его вечно плохого настроения. Ведь он был великолепный логист. Всё было отлажено настолько, что каждый человек точно знал, что и когда надо делать. За счёт этого караван становился намного мобильнее. Быстрее вставал лагерем. Быстрее собирался в путь. Я даже не мог припомнить такого, чтобы в очереди на кухне собралось одновременно больше трёх человек. Насколько грамотно были рассчитаны смены и действия людей. А ведь караван в общей сложности обслуживало более полусотни человек! Да, работу Азамат проделывал просто огромную. Так что, несмотря на то, что мне очень нравилось работать у Москвина, я был вынужден признать, что парочке его работников не помешало бы записаться к Бикашеву на обучение.

Порыв прохладного ветра коснулся моего лица. Скоро солнце поднимется над горизонтом и начнёт беспощадно припекать. Я даже подумал о том, чтобы снять плотную куртку от комплекта камуфляжа. Впрочем, утренняя свежесть вполне могла взбодрить и развеять сонное настроение. Так и не решившись её снять, я просто присел на край телеги. Грубые шершавые доски светозащиты тут же упёрлись мне в спину. Я положил дробовик себе на колени, смахнув с приклада несколько прилипших травинок.

Начинался новый день. И каждый раз он начинался по-новому. Наблюдая за тем, как небосвод начинает расцветать красивыми оттенками, я подумал о своих родных.

– Эх, мать, наверное, уже вся извелась, – тихо пробурчал я себе под нос. – Пора бы весточку им послать. Да, так и сделаю. Вот только доберусь до нормальной заставы, где будет почтовая служба, и сразу же отправлю.

Я невольно улыбнулся. Несмотря на то, что родные не слишком были рады моему решению отправиться в такое странное путешествие, я был приятно удивлён тому, что всё равно не встретил особого сопротивления с их стороны.

Да, прав был тот пресловутый Сарсеныч. Человеку всё-таки важно иметь такое место, куда можно вернуться и где его всегда будут ждать. Но и мир посмотреть тоже стоило. К тому же он был таким большим и удивительным, и полным различных приключений.

Именно это и побудило меня устроиться охранником караванов. А ещё явная необходимость озадачиться собственным жильём. Конечно, после Великой Катастрофы проблем с этим не было. Но я не хотел занимать чей-то дом. Во-первых – многие из них уже требовали капитального ремонта. А во-вторых вовсе не хотелось жить в тех же стенах, где трагически оборвались чьи-то жизни в тот роковой для человечества день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.